

Философы военного поколения

В статье посредством «монтажа» на основе воспоминаний и документов предпринята попытка воссоздать образ поколения философов военных лет. Какими пошли на фронт наши философы? Как государство использовало философов в условиях войны? Какой опыт философы приобрели в военные годы и как он изменил их самих? Какими философы вернулись с войны? Какой сложился в результате поколенческий тип? Какое воздействие представители его оказывали на жизнь страны и философского сообщества?

Ключевые слова: советская философия, Великая Отечественная война, военное поколение.

Поколение философов, прошедших Великую Отечественную войну, оказало большое влияние на философскую жизнь нашей страны. Это было ясно всегда. Но с течением времени события военных лет, их ближайшие и отдаленные последствия осознаются все глубже, интерес к ним только возрастает. Мы узнаем больше новых фактов, наше понимание становится яснее, крепче мы чувствуем внутреннюю связь с теми, кому обязаны своей жизнью и жизнью Родины. Наши дети продолжают двигаться по пути познания Великой Отечественной войны, который во многом формирует национальную идентичность в настоящем и будущем.

В книге о философских поколениях необходимо и важно сказать о военном поколении. По счастью, немногие представители военного поколения еще с нами. Они рассказывают о пережитом и осмысливают свой жизненный опыт. В мае 2020 г. в Институте философии РАН прошла видеоконференция с их участием, посвященная юбилею Победы¹. Сохранились воспоминания ушедших из жизни ветеранов. В Институте философии РАН они собраны на специальной

¹ <https://www.youtube.com/watch?v=eYJOTnop7IM&feature=youtu.be>

страничке институтского сайта². В здании института обновлена мемориальная доска, на которую занесены новые имена погибших героев-философов. Философский факультет МГУ выпустил книгу очерков о преподавателях-фронтовиках³. Сведения о погибших преподавателях и студентах философского факультета ЛГУ включены в «Книгу памяти» ЛГУ — СП(б)ГУ⁴. В настоящее время мною готовится Книга памяти преподавателей, аспирантов и студентов философского факультета МИФЛИ — МГУ⁵. Существует целый ряд публикаций писем с фронта. Большое значение имеют интернет-ресурсы наградных документов и документов о безвозвратных потерях военных лет. Мы располагаем, таким образом, значительным количеством материалов и свидетельств, и их число будет нарастать. Сложнее продвинуться вперед в осмыслении феномена философов военного поколения.

В настоящей статье о философах военного поколения мы попытаемся понять: какими были эти люди, сумевшие победить в Великой войне? Сосредоточимся на вопросах: какими пошли на фронт наши философы? какой опыт они приобрели в военные годы и как он изменил их самих? какими они вернулись с войны, какой сложился в результате поколенческий тип и какое воздействие представители его оказывали на жизнь философского сообщества?

* * *

Среди философов, ушедших воевать с оружием в руках, были научные сотрудники и преподаватели среднего и молодого возраста, аспиранты и студенты. К ним можно отнести и тех вступающих в жизнь юношей и девушек, кто выбрал стезю философии в результате приобретенного на войне жизненного опыта. Все они относились к поколению, выросшему уже при Советской власти. Настрой этих людей хорошо передают воспоминания бывшего директора Института философии академика Г. Л. Смирнова:

У многих из нас рано развился интерес к событиям революции и гражданской войны, к тому, что происходило в те годы в стране, в наших местах. Я, например, мог часами вертеться среди бородатых казаков и, затаив дыхание, слушать их бесконечные байки о служивских годах. Когда позже я начал читать «Тихий Дон» Шолохова, его многочисленные герои казались мне страшно знакомыми, почти родными, как если бы я знал их в собственной жизни. Я был влюблен тогда во все военное и мечтал со временем стать красным командиром. Я собирал всякие картинки, конфетные обертки, на которых красовались шикарные командиры и комиссары в длинных

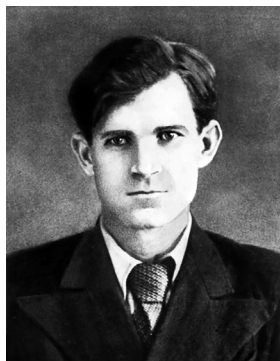
² <https://iphras.ru/page29244734.htm>

³ Философы-победители. Сборник посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов / Сост. Н. М. Северикова. М.: Издатель Воробьев А. В., 2015.

⁴ Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета: 1941–1945. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995–2000. Вып. 1. 352 с.; Вып. 2.

⁵ На существующую мемориальную доску философского факультета МГУ занесены 64 фамилии. В ходе работы над «Книгой памяти» на них найдены подробные биографические сведения. В результате дополнительного архивного поиска установлены фамилии и биографические данные еще на 121 погибшего. В общей сложности на 127 человек найдены фото.

шинелях. Разумеется, я знал, что казаки воевали на стороне «красных» и на стороне «белых». И может быть поэтому, в моем альбоме появились портреты противоположной стороны — белого офицера, белого генерала и почему-то царского полицейского. В этом не было никакого стремления к нейтральности, ибо детское сердце мое было целиком на стороне «красных», хотя бы потому, что сами они были из крестьян и рабочих, выступали против буржуев и за простой народ. В конце учебного года на общешкольном собрании меня наградили книгой. Слушаю директора и не верю своим ушам: Смирнова Георгия — за успехи в учебе — книгой Николая Островского «Как закалялась сталь». Эту книгу я ищу уже год, но ни в библиотеках, но в магазине ее нет. И вот держу ее в руках. «Как закалялась сталь» произвела на меня оглушительное впечатление. Я читал и перечитывал книгу без конца, брал ее с собой, куда бы ни заносила меня жизнь. Сама книга и Павел Корчагин стали для меня друзьями и наставниками. В чем же секрет ее великого обаяния? Юного читателя не могло не тронуть то, что на фоне трудностей, ожесточенной борьбы у героя очень рано и сильно проявляются два замечательных светлых устремления — интерес к книге и любовь к девушке... Для бесконечных разговоров с девушками у нас всегда находились новые и новые темы. Они увлекались искусством, и вскоре под их влиянием в наших разговорах замелькали имена Бетховена, Чайковского, Бородин, Шляпина, Сурикова, Левитана, Станиславского, Лемешева, Тарасовой и т. д. К тому времени закончилось мое одностороннее увлечение советской литературой, я открыл для себя Гоголя, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Гарина-Михайловского, Мельникова-Печерского и многих других русских классиков⁶.

Академик Г. Л. Смирнов

О роли художественной литературы в формировании поколения говорил и В. Ж. Келле:

Тогда издавалась прекрасная детская и юношеская литература. Конечно, сейчас ей могут поставить в пикку, что она прославляла героиню революционной борьбы и гражданской войны, примером чему являются такие известные произведения, как «Красные дьяволята», «Как закалялась сталь». Но надо учитывать, что это была другая эпоха, к которой неправомерно подходить с сегодняшними, порой узкими и весьма заидеологизированными мерками. У меня не было постоянных кумиров. Ими оказывались герои прочитанных книг, а мои литературные увлечения менялись вместе с возрастом. Тогда я возненавидел Дантеса и всех клеветников, терзавших Пушкина, прочитал все его произведения, которые были мне доступны. Первым крупным произведением Толстого, которое я прочитал несколько позже, было «Детство. Отрочество. Юность». Я обожал Гоголя, очень пережи-

В. Ж. Келле

⁶ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М.: РОССПЭН, 1997. С. 5, 17–19.

вал за Лермонтова, любил Тургенева. Но меня привлекала и литература приключенческая, и фантастика⁷.

Вернемся к воспоминаниям Г. Л. Смирнова. Наступил июнь 1941 г. Выпускной класс. Вокруг старшей пионервожатой с яркой внешностью и талантом общения сложилась тесная и дружная компания парней и девушек:

На переменах мы стремились встретиться и поговорить, обменяться новостями. А позже стали все вместе гулять вечерами. С нашими девочками осваивали танцы на льду замерзшего пруда под звуки мельничного дизеля. Влюбленности среди нас были, их не могло не быть, хотя и очень хрупкие... Выпускной вечер проходил хорошо, дружественно, душевно. Было немного грустно, никаких официальных речей, формальных поздравлений. Танцевали до упаду. Когда мы пошли домой, среди уверений во взаимном уважении и дружбе Коля Лазаренко затеял серьезный разговор. Он подошел ко мне вплотную, положил крепкую руку на мое плечо, стал говорить примерно следующее: может быть, ты думаешь, что мы не слишком разговорчивые и потому кажемся равнодушными к общественным делам? На самом деле, просто не приходилось, не было подходящего случая высказаться. Так вот сегодня я хочу тебе сказать, что мы любим нашу Родину и за нее готовы отдать все! Если надо жизнь отдать — жизнь тоже. Не сомневайся. А я и не сомневался. Хотя услышать такое для меня было важно. Домой мы разошлись в пятом часу. Я тут же повалился и заснул мертвым сном. В двенадцать меня разбудила всполошенным голосом мать: «Жора! Вставай! Молотов говорит! Война!»⁸

Можно найти и другие, столь же характерные высказывания современников-философов. В них уже просвечивает поколенческий типаж. Во-первых, молодые советские философы, вступившие в жизнь на рубеже 1930–1940-х гг. были «философами в первом поколении». Это люди, которых привели в философию призвание и — случай, который помог распознать зов этого призвания. Ведь зачастую в их повседневности не встречалось даже самого слова «философия». В них просвечивает духовная наполненность, дума о смысле жизни. Это люди, задумывающиеся о своем предназначении. Во-вторых, они — «интеллигенты в первом поколении». Это дети рабочих и крестьян, совершивших революцию. У них в силу этого изначально сформировалось определенное отношение к стране и к жизни. Они росли с сознанием, что революция была совершена для их счастья и что они будут и уже являются хозяевами нового общества. Поэтому они стремились «сделать» себя всесторонне, в том числе интеллектуально, развитыми, стать интеллигентами. В-третьих, их отличает серьезное, иногда даже суровое отношение к жизни вообще, в их глазах нет легкомыслия. Они понимают в своем юном возрасте, что жизнь — не развлечение. По-хозяйски относясь к стране, они берут на себя ответственность за нее. Они знают о внешних угрозах и готовы защитить ее будущее. Патриотизм естественен для их мировоззрения.

⁷ Философия как призвание и профессия (интервью с проф. В. Ж. Келле) // *Личность. Культура. Общество*. 2002. Т. IV. Вып. 1–2. С. 353–354.

⁸ *Смирнов Г. Л. Уроки минувшего*. С. 23, 24, 34–35.

* * *

Сегодня некоторые наши философы, из тех, что в советское время критиковали «буржуазные извращения» с позиций марксизма-ленинизма, любят рассуждать о том, что Победу обеспечила актуализация исторических и религиозных традиций. Подобное можно утверждать, только «вынеся за скобки» «красную» компоненту идеологии и массового сознания и игнорируя вопрос о роли этой компоненты в сплавивании народа и в идеологической победе над агрессором. Сила духа нашего народа противостояла не только нацизму, но и идеологии тех наших соотечественников, которые *пошли к нему на службу*.

З. А. Каменский

Психологические исследования массового сознания⁹, да и просто чтение таких источников, как письма и дневники военных лет, убедительно свидетельствуют, что, как правило, советские люди не разделяли коммунизм и патриотизм. Ментальный сплав ясно виден по лексике выступлений военных лет. 26 сентября 1941 г. проректор МИФЛИ И. С. Галкин говорил на заседании Ученого совета:

Мы можем воспитывать наших студентов на героическом прошлом нашего народа, нашей Красной Армии, нашей Родины, на ее героической борьбе с интервентами в прошлом. Говоря о складывании Русского государства, об исконных землях восточных славян, русских, должно и нужно говорить, что ни одна фашистская собака не должна топтать наши земли, ибо это наши русские, наши советские, наши украинские земли. История нашей Родины, история нашего народа, история двадцати с лишним лет Советской страны столь богаты, что учить юношей и девушек есть на чем¹⁰.

Реакция на начало войны везде была схожей. Работавший тогда в Институте философии З. А. Каменский вспоминал:

В конце июня 1941 г. в Институте философии АН СССР состоялось общее собрание, на котором было объявлено, что желающие мужчины могут вступить в Народное ополчение. Насколько я помню, подавляющее большинство мужчин в тот же день сделали это, и только старшие по возрасту и чинам сотрудники либо были отозваны в распоряжение ЦК ВКП (б), либо образовали группу Института, несколько позже отправленную в эвакуацию в г. Алма-Ата. В первые дни июля все мы, добровольцы, собрались в школе № 57 на улице Маркса и Энгельса, в ее спортивном зале, откуда были переведены в другую школу, находящуюся в одном из арбатских переулков. В ночь с 3 на 4 июля из этой школы мы отправились пешим строем по Можайскому шоссе на формирование¹¹.

⁹ Харитоновна Е. В. Мобилизация морального духа и психологического состояния в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. 2020. № 3. С. 5–17.

¹⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

¹¹ Долг и память военного поколения. М.: Институт философии РАН, 1998. С. 90–91.

Т. И. Ойзерман с фронтовым товарищем. Фото. 1941 г.

22 июня 1941 г. Т. И. Ойзерман должен был читать лекцию заочникам о Фихте: «Меня буквально выворачивало, потому что в моей памяти всплывали речи Фихте к немецкой нации о том, что немцы самые лучшие и т.п., т.е. страшные, в общем, вещи. С трудом я прочел лекцию, остановившись только на его собственно философских взглядах»¹².

О первых днях войны на философском факультете МИФЛИ В. В. Соколов вспоминал: «Разразилось 22 июня 1941 г. Огромный взрыв патриотизма. И вот я вместе с десятками других студентов ИФЛИ побежал в военкомат и записался добровольцем»¹³.

О том же рассказывал А. М. Ковалев, тоже учившийся на философском факультете МИФЛИ:

Молотов выступает, я каждое слово до сих пор помню. И мы сразу же поехали в свой институт. Там собрались комсомольцы, и мы подали заявление о том, что мы добровольцами уходим в армию. Никто не давил, никто не заставлял. В конце июля нас вызвали в военкомат. И всех посылают в военное училище, потому что мы уже имели незаконченное высшее образование. Когда дошла очередь до меня, я сказал: «Я прошу меня послать скорее на фронт, не посылать в училище, я сколько нужно отвоюю». — «А почему?» — подполковник спрашивает. «Я боюсь, что меня потом могут сделать офицером, меня не отпустят из армии, а я хочу снова на философский факультет». Он улыбнулся и пишет: «Направить в пехотное училище»¹⁴.

Г. А. Оганян

Повсеместно происходило то же самое. Г. А. Оганян окончил философский факультет МИФЛИ в 1937 г. После защиты диссертации об Аристотеле он преподавал философию в Омском пединституте. 24 июня 1941 г. на партийном собрании института он выступил и выразил желание немедленно идти в ряды Красной армии. Погиб он в 1944 г. в Польше. Молодой врач И. Ю. Давыдов был женат на дочери бывшего декана философского факультета МИФЛИ Т. Д. Павлова. Вместе с женой он 23 июня 1941 г. пришел в военкомат. И. Ю. Давыдов добился направления в Отдельную комсомольскую бригаду особого назначения: «В роте много студентов Института истории,

¹² Ойзерман Т. И. Марксизм не родился как Венера из головы Юпитера // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2004. № 6. С. 41.

¹³ Как это было. М.: РОССПЭН, 2010. С. 335.

¹⁴ Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 453–454.

философии и литературы. Они любят порассуждать. Не случайно в батальоне их добродушно-иронически называют философами. Из ифлийцев, пожалуй, труднее всего будет воспитать исполнительных и расчетливых бойцов»¹⁵.

Когда наступил решающий момент в октябре — ноябре 1941 г., именно эти студенты и аспиранты, молодые преподаватели философского факультета и научные сотрудники Института философии стали тем «последним батальоном», который не допустил врага к Москве. Неслучайно памятник погибшим в войне студентам, аспирантам и сотрудникам Московского университета стоит под Ельней. Многие из них здесь погибли и пропали без вести. Сказались, возможно, и горячность, и недостаток опыта. А вот у тех, кого они не пропустили к Москве, были и опыт, и расчетливость, и дисциплина, но им не помог их, как выражаются теперь некоторые наши коллеги, «фашистский героизм». Нет героизма у убийц и грабителей. Философы-ополченцы не хуже современных нам писателей видели нашу неготовность к войне, неорганизованность, огромные масштабы и трагедию окружения. Но дух их не был сломлен.

«Мы оказали довольно упорное сопротивление», — вспоминал В. В. Соколов о бое 17 ноября 1941 г. на Волоколамском направлении¹⁶. Неопытные ифлийцы отражали последний танковый рывок выдыхавшегося врага:

В середине ноября наша батарея заняла позиции на танкоопасном направлении на окраине деревни Горки. Здесь произошел налет минометных снарядов. Командир и комиссар батареи и двое командиров огневых взводов оказались ранеными, руководить боем не могли и были эвакуированы. Однако все четыре командира орудия со своими расчетами заняли боевые позиции. Мы видели, как на окраину ближнего леса выходили танки и накапливались сновавшие между ними автоматчики. Когда танки начали покидать лесную опушку, мы открыли по ним огонь из своих скорострельных орудий. Видны были попадания в танки, отпрыгнувшие вместе с автоматчиками и пехотой под покровы деревьев. Мы продолжали стрелять, но с немецкой стороны полетели десятки минометных снарядов. Были разбиты первое орудие (им командовал ифлиец Налдеев¹⁷) и третье. Мое орудие уцелело, но осколком оно было заклинено. Комиссар полка приказал моему расчету ползком отступить к четвертому орудю. Оно было поставлено на самом краю Горок, между домами, как бы в засаде. Считаю, что сопротивление полностью подавлено, немецкие танки вышли на открытое поле, чтобы занять деревню. Подойдя к нам вплотную, они напоролась на кинжальный огонь четвертого орудия, о котором они даже не подозревали. Великолепно стрелял основной наводчик ифлиец Дыскин. Одни танки загорались, другие вертелись с перебитыми гусеницами и как-то переползали на деревенскую улицу. Я взял бутылку, а боец моего расчета подал мне запал, но, в напряжении — от гранаты. Бутылка разлетелась вдребезги, лицо обдало дымом, а два-три осколка легко поранили лицо. Протерев его рукой, я увидел нужный запал, вставил его в гранату и бросил ее, попав только в гусеницу. Танк как-то дернулся и остановился. Все это время четвертое

¹⁵ Давыдов И. Ю. Юность уходит в бой. М.: Воениздат, 1973. С. 8.

¹⁶ Как это было. С. 335–336.

¹⁷ Студент философского факультета, впоследствии литературовед.

орудие продолжало стрелять по подходившим танкам (семь из них остановились, два-три загорелись)¹⁸.

Вместе с тем не следует преувеличивать неподготовленность молодых философов к войне. В. А. Разумный — перед войной московский старшеклассник, а потом — аспирант и сотрудник Института философии — вспоминал, что в школе:

...была усилена до предела военная подготовка, началась отработка военных тревог, освоение основ санитарного дела, навыков обращения с противогАЗами и противоипритными пакетами. Надо было быть полным дебилом, чтобы не понимать (даже на уровне нашего юношеского сознания), что в воздухе запахло военной грозой. И мы осознанно пели: «Если завтра война...» и были к ней психологически подготовлены отлично! Не зря же именно возрастные категории, к которым я принадлежу, то есть воины 1923, 1924, 1925 года рождения, составили основной костяк победоносной Советской армии в ту пору, когда отобилированные ранее солдаты были уже перебиты на полях первых сражений¹⁹.

Кто хотел, мог пройти хорошую военно-спортивную подготовку на философском факультете МИФЛИ. Мы все помним В. Ж. Келле. Человек крайне сдержанный, он ничего о себе не рассказывал, а представить его приводящим себя «в пример» вообще невозможно. Поэтому только из архивных документов МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского можно узнать, что он в 1940 г. не только получил стипендию имени Чернышевского за неизменно отличную учебу (сталинских стипендиатов среди студентов до войны вообще не было), но занял призовое место на институтских соревнованиях по стрельбе. Потом представлял институт на районных стрелковых соревнованиях, где студенты завоевали для МИФЛИ серебряный кубок Осоавиахима²⁰. Поэтому уже не удивляешься, когда в интернет-банке наградных документов находишь представление лейтенанта В. Ж. Келле к ордену Красной Звезды. Командир огневого взвода В. Ж. Келле в бою за деревню Липны под пулеметным и минометным огнем противника прямой наводкой подавил огонь двух пулеметных точек, уничтожил автоматическую пушку и наблюдательный пункт и обеспечил прорыв немецкой обороны.

В личных листках студентов философского факультета МИФЛИ то и дело встречаются записи о награждении грамотой за стрелковые состязания, о премировании за участие в спартакиаде, о благодарности за отличную успеваемость по военной кафедре. Многие студенты и аспиранты, погибшие на фронте, имели такие записи в своих личных карточках. Приведем только один пример. Погибший на фронте студент философского факультета Г. И. Власов в 1937 г. был премирован на сумму 100 рублей за успешное окончание курсов парашютистов в лагере

¹⁸ Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: очерки истории. М.: Современные тетради, 2002. С. 159–160.

¹⁹ *Разумный В. А.* Моя война. М.: Изд-во Московского психолого-социологического ин-та, 2006. С. 5.

²⁰ ЦГА Москвы. Ф. 2378. Оп. 1. Д. 27. Л. 50.

Осоавиахима, где он стал кандидатом на звание инструктора-парашютиста. В январе 1940 г. его призвали на советско-финскую войну. В апреле 1940 г. он вернулся к учебе, а в августе 1940 г. за проявленную настойчивость в овладении парашютным делом ему объявили благодарность по МИФЛИ и вручили премию на сумму 100 рублей²¹. Поэтому, когда студентов-философов набирали в бригады особого назначения, то рассчитывали не только на их развитость и знание иностранных языков, но на навыки, необходимые для работы диверсанта.

Любопытно мнение А. А. Зиновьева о вкладе в Победу молодого образованного поколения советских людей:

Гениальным было решение советской власти обратить первостепенное внимание на систему образования. Это стало одним из решающих факторов нашей победы. К началу войны мы в СССР имели образовательный уровень населения выше, чем в Германии. Можно сказать, что войну выиграл советский десятиклассник. Война стала затяжной, и она приняла такой характер, что потребовалось огромное число людей с образованием. Очень быстро готовили огромное количество летчиков, всю авиацию укомплектовали. Буквально за два-три месяца мальчишки становились хорошими пехотными лейтенантами. А если бы ребята были малограмотными, они бы не смогли обучиться и летать на первоклассных машинах. То же самое и с артиллерией, и с танковыми войсками. Огромное количество людей было занято и в штабах. Это почему-то замалчивается. А ведь разведка, штабная и пропагандистская работа — все это тоже играло огромную роль. Эту работу выполняли образованные люди, как минимум десятиклассники. Один из факторов поражения немцев состоит в том, что у них был дефицит офицерского состава. У нас его не было²².

* * *

Молодым философам на войне пришлось выдерживать значительные нагрузки и преодолевать каждодневные физические тяготы. В первые месяцы войны студентов-философов направили копать противотанковые рвы. Ополченцы из Института философии обучались военному делу, живя в шалашах и землянках. Т. И. Ойзермана как кандидата наук направили на двухмесячные офицерские курсы: «Эти курсы мне много дали. Прежде всего, они помогли мне внутренне перестроиться, стать военным человеком, солдатом. Кроме того, научился неплохо стрелять не только из винтовки, но также из автомата»²³.

Будни войны, это: «атаки, многокилометровые марши, днем и ночью вперед, то бегом, то ползком, и рыть, рыть землю, окапываться, если хочешь остаться живым»²⁴.

Боевые действия под Москвой отличались повышенной маневренностью.

²¹ ЦГА Москвы. Ф. 2378. Оп. 2. Д. 57.

²² Зиновьев А. А. Интервью // URL: <https://www.mosgu.ru/nauchnaya/interviews/Zinoviev/>

²³ Навеки в памяти. М.: Наука, 2010. С. 114.

²⁴ Дубровский Д. И. Воспоминания. М.: Канон+, 2009. С. 98–99.

И здесь началось, — рассказывал З. А. Каменский, — и не только для меня — чрезвычайно тяжелое испытание. Каждый раз, когда мы переезжали с одного места на другое, позиции надо было рыть заново, и делать это нам, белоручкам, привыкшим держать в руках не саперные лопаты, а перья, и сидеть за письменным столом, было ох как трудно! Не выдерживали поясница, ладони, а кое у кого и сердце²⁵.

Накануне нашего контрнаступления под Москвой, продолжал З. А. Каменский:

...в течение всего дня мы лежали на снегу. Зима была ранней и морозной. Не буду рассказывать, в каком состоянии были наше белье и наши тела — это нетрудно себе представить, если иметь в виду, что неделями мы не имели возможности хоть как-нибудь помыться. Началось наше контрнаступление. В эти дни я был связным при командире роты и обеспечивал связь между ним и командирами взводов, а также батальоном. Функция эта была чрезвычайно опасной. Мне приходилось и днем и ночью передвигаться под автоматным и артиллерийским огнем²⁶.

Л. А. Коган

Копать мерзлую землю трудно, но в этом твое спасение и залог успешного боя. А могло быть и так, как рассказывал М. В. Демин. Его в 1941 г. направили в артиллерийское училище, откуда он поехал на фронт под Старую Руссу командиром батареи: «Местность оказалась болотистая, нельзя врыться в землю, выкопать окопы, построить землянки. Зима была очень холодная, суровая, требовала исключительной выносливости»²⁷.

О том же вспоминал и Л. А. Коган:

Наша армия была переброшена в район Старой Руссы. В пути эшелон бомбили. Первое впечатление по прибытии заставило содрогнуться: довольно большая поляна, сплошь усеянная трупами наших солдат-лыжников. Едва мы успели расположиться в одной из деревень, как соседний дом, где находилась группа работников штаба, был разрушен прямым попаданием. Сложность положения в этом лесисто-болотистом краю усугубляли весенняя распутица, бездорожье, перебои со снабжением; бывало (и подолгу), что мешки с сухарями сбрасывались нам с самолетов. Незабываемы ночи, проведенные в зимнем лесу, иногда в палатках, на снегу, едва прикрытом хвоей, иногда в старых блиндажах. Как мы тогда промерзали, буквально насквозь, — отзвук этого до сих пор гнездится в костях и нервах. Или особенное ощущение полусна-полуяви во время долгих ночных переходов, когда приходилось частично спать на ходу. Иногда в эти моменты чудилось, что идешь где-то по Тверской, и с двух сторон сверкают окна — это были звезды. Ночное небо прорезывали трассирующие разноцветные пули, летящие в нашу сторону. Многие бойцы подрывались на минах, слышались стоны. Редко удавалось передохнуть и в окопных блиндажах; долгий вражеский обстрел вынуждал фиксировать внимание на паузах между

²⁵ Долг и память военного поколения. С. 93.

²⁶ Там же. С. 95–97.

²⁷ Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: очерки истории. С. 94.

разрывами: один снаряд пролетел мимо, другой не долетел и напряженно ждешь следующего, — не твой ли он²⁸.

Но и это не было самым тяжелым. Наступает момент, когда надо вставать в атаку и идти под огнем в чистом поле. А. А. Макаровский в июле 1941 г. ушел из Института философии в Московскую дивизию народного ополчения. В сентябре 1942 г. дивизия была брошена под Сталинград, в донецкую степь:

Проделав марш в 150 километров, части дивизии сразу же пошли в наступление. Полем сражения была голая степь, поросшая короткими сухими и цепкими травами. Равнина перебивалась небольшими высотками, за овладение которыми разгорались ожесточенные схватки, да длинными извилистыми балками, по которым передвигались наши подразделения. Наступать было трудно. Противник успел закрепиться и организовать развитую систему огня. Его авиация господствовала в воздухе и бомбила наши боевые порядки. Не было времени как следует сориентироваться на местности. Не хватало карт. Командиры не имели возможности заранее разведать расположение огневых точек противника, определить наилучшие подходы к его позициям. Но все перевешивалось одним — Сталинград в опасности, на помощь Сталинграду! И воины дивизии шли ему на помощь. В голой степи, лишенные укрытий, они вновь и вновь поднимались в атаку под губительным огнем врага. Тот, кто был на фронте, знает, что это такое — идти в атаку по открытой местности под разрывами снарядов и мин, навстречу хлещущему потоку пулеметного огня²⁹.

Тяжелый труд продолжается в бою. Д. И. Дубровский рассказывает, как его рота, заняв в ходе наступления первую траншею немецкой обороны, не могла двинуться дальше. Он вместе со старшиной и тремя бойцами привязал веревки к ящикам с гранатами, которые надо было дотащить до своих по простреливаемому полю:

Они взяли на себя по два ящика, а мне дали один. Мы вылезли на бруствер, впряглись и потащили ползком. Мой ящик показался мне очень тяжелым, я еле сдвигал его с места. Постепенно я приспособился и стал продвигаться быстрее. Над головой густо свистели пули. Я поравнялся с раненым, просившим о помощи. Я остановился, в полной растерянности от своего бессилия. Но тут старшина обернулся и заорал:

— Вперед!

Я понял: гранаты в моем ящике сейчас самое главное, и двинулся дальше. Начался минометный обстрел. Сквозь разрывы я услышал крик старшины:

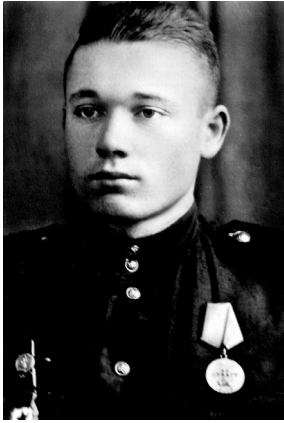
— А ну вперед, твою мать! Вперед!

Я начал ползти дальше, не глядя перед собой и не обращая внимания на разрывы, в каком-то полусознательном состоянии — будь что будет! — и вскоре чуть не уткнулся в сапоги лежащего передо мной бойца. Это был один из помощников старшины, вместо лица сплошная кровавая рана, рядом ящик.

— Бери ящик! — крикнул мне старшина.

²⁸ Коган Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 72–73.

²⁹ От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966. С. 332.

А. Г. Мысливченко

Гвардии младший лейтенант артиллерии Э. В. Ильенков

Я увидел, как он, еле передвигаясь, волочит три ящика. Третий он взял у убитого. Я вырвал из судорожно сжатой руки веревку, одел петлю на плечо и, упираясь изо всех сил раскоряченными ногами, впиваясь пальцами и локтями в землю, пытался ползти. Хорошо помню, что, несмотря на сжимающий сердце животный страх, мысль моя, на удивление, работала ясно. Я маневрировал то одним ящиком, то другим, продвигаясь метр за метром. Еще усилие, еще, и мы сваливаемся в окоп на руки бойцов³⁰.

Оборона создает не менее экстремальные ситуации, чем наступление. Л. А. Коган вспоминал: «То было время острейших переживаний: визуального восприятия впрямую движущихся на нас фашистских танков (тогда это было внове), непрерывных бомбежек (с включением при пикировании дико воющих сирен для устрашения) и охоты “мессеров” за отдельными людьми. Было ли страшно? Да, и не раз»³¹.

Но постепенно в боевой обстановке происходит смещение шкалы физических и психологических норм в экстремальную часть спектра, с мобилизацией и интенсивной тратой необходимых внутренних ресурсов. А. Г. Мысливченко рассказывает об опыте бомбежки:

Эшелон прибыл на станцию недалеко от Белгорода, где проходила линия фронта. Вскоре по прибытии послышались вой сирен воздушной тревоги и гул немецких бомбардировщиков. Мы бросились бежать в пристанционные бомбоубежища — узкие земляные щели. Раздались оглушительные взрывы. Вспоминаю, что когда мы сидели в щелях, а недалеко разрывались авиабомбы, то воздушно-звуковые волны оказывали сильнейшее давление на барабанные перепонки. Это

³⁰ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 94–95.

³¹ Коган Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... С. 71.

меня поразило. То есть, страха не было, что настал конец, наоборот, возникал тревожный интерес: а что это такое? Что происходит?³²

Наконец, на войне приходит, и довольно быстро, своего рода мудрость. По словам Э. В. Ильенкова: «Это первые дни кажется, что снаряд, каждый снаряд, летит именно в тебя, а потом начинаешь ощущать обратное, когда привыкнешь, что как бы он угрожающе ни шуршал и ни выл, он обязательно ляжет никак не ближе 10 метров»³³.

В результате человек вместо того, чтобы изнемогнуть, обнаруживает в себе скрытые силы. Д. И. Дубровский, пройдя на фронте суровую школу выживания, «не раз удивлялся сам себе, что не сломался, не заболел, сумел дойти, добежать, вытерпеть, не заснуть, не растеряться, выполнить и т.п.»³⁴.

Говоря о способности мобилизоваться в экстремальной ситуации, о том, что может вынести человек, какие резервы, жизненные силы заложены в нем, Д. И. Дубровский вспоминает ночь после своего первого, тяжелейшего боя:

Едва стемнело, нам приказали расчищать завалы в окопе. Саперной лопаткой много не накопаешь, ведь надо выбрасывать землю наверх. После такого дня — откуда взять силы. Но человек плохо знает себя. Оказалось, что силы есть. Надо только начать, втянуться в работу, притерпеться и — вроде бы ничего, жить можно³⁵.

Спустя несколько дней — многокилометровый марш ночью под морозящим дождем:

Вот где я понял, что такое второе и третье дыхание. Кажется, всё — сейчас упаду, оттягиваю этот позор из самых последних сил, еще два шага, еще раз два шага, еще один, и с какого-то момента вроде бы становится легче, а потом совсем уже терпимо, ноги как бы сами перебирают песчаную дорогу. Сколько скрытых сил в каждом из нас!³⁶

* * *

Физические перегрузки войны вынуждают человека жить на преодоление, создавая трудности иного, нравственно-психологического порядка. Тяготы войны можно переносить, если у тебя на душе спокойно, если ты можешь мобилизовать свой дух, преодолевать свои слабости, действуя ради чего-то большего, чем ты сам, не отчаиваясь при виде неудач, поражений. Но эта способность определяется тем, что именно личность выбирает в качестве главного ценностного приоритета.

³² Слово солдата Победы. М.: Патриот, 2018. С. 269.

³³ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М.: Институт философии РАН, 1997. С. 218.

³⁴ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 75.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Там же. С. 75.

Мы привыкли ретроспективно смотреть на события того времени с позиций свершившейся истории. Но нужно поставить себя в то «здесь и теперь». Люди жили, любили, занимались философией. И вдруг перед ними перспектива возможной гибели, быть может, очень скорой. С Институтом философии много лет дружили племянницы сотрудника Е. М. Калачева, не вернувшегося с войны. Они рассказывали, как в июле 1941 г. он погиб: эшелон разбомбили, и он не доехал до фронта. Некому было даже написать «похоронку».

Известие о начале войны стало моментом истины, проверкой на подлинность людей, идей, чувств. Работавший в те дни в Институте философии Л. А. Коган вспоминал:

Первые сообщения о войне вызвали нечто вроде шока. Мы были готовы ко всему, но уверены лишь в одном — в грядущей победе. Помню, как в один из тех дней иронично-грустный умница А. А. Макаровский говорил о Родине, народе и нас словами Некрасова «Вынесет все — и широкую, ясную / Грудью дорогу проложит себе, / Жаль только жить в эту пору прекрасную / Уж не придется ни мне, ни тебе». В тот момент эти слова звучали особенно пронзительно³⁷.

В сказанном высвечивается система ценностей, в которой есть некая высшая точка отсчета, с которой человек образует свою жизнь. Л. А. Коган и А. А. Макаровский ушли в ополчение, прошли всю войну и прожили долгую и насыщенную творческую жизнь в философии. Но у кого-то абсолютной доминантой может оказаться его Я. В этом случае человек лишается духовных сил противостоять давлению обстоятельств, пытается приспособиться к любым переменам, чтоб сохранить свое Я, и — теряет себя.

Во время того самого июньского собрания 1941 г., где сотрудники Института философии записывались добровольцами в ополчение, случилось, по словам З. А. Каменского, вот что:

Нашелся, правда, один «рядовой» научный сотрудник, который публично на том самом собрании заявил, что на войну не пойдет, т.к. его теоретические работы имеют большее значение, нежели то, что он сможет сделать на войне. Сейчас представляется, что это заявление имело известный смысл, но тогда это казалось антипатриотическим предательством, сотрудник был заклеен, но, насколько помню, продолжал работать и в период войны и после ее окончания³⁸.

Сходная история произошла в начале июля 1941 г. на партийном собрании отдела Балканских стран Наркомата иностранных дел. Во время записи в народное ополчение один из референтов отказался записываться, ссылаясь на то, что недостаточно крепок физически и что воинская служба в ополчении ему будет не под силу. В отделе работал выпускник философского факультета МИФЛИ И. А. Бурмистренко, защитивший незадолго перед тем диссертацию о Фейербахе. Он внес

³⁷ Коган Л. А. Из биографии дома-на-Волхонке // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 29.

³⁸ Долг и память военного поколения. С. 90.

в повестку дня вопрос об исключении дезертира из партии. Сам же И. А. Бурми-стренко ушел в народное ополчение, принимал участие в тяжелых боях и погиб под Москвой³⁹.

С моральной слабостью человеку справиться труднее, чем с физическими нагрузками, чья мера задана объективно. Безверие и страх, выйдя из-под контроля разума и совести, напротив, разрастаются неимоверно, подчиняя себе всего человека. По мере того как положение на фронте ухудшалось, острота ситуации личного выбора нарастала. Одни, осознав весь трагизм положения, только усиливали ожесточенность сопротивления. Они победили в себе слабость и потому смогли одолеть вражью силу. И их было большинство. Немногие поступали иначе: рвали социальные и духовные связи, чтобы спастись любой ценой. Анамнез этой духовной болезни помогают осветить воспоминания И. Ю. Давыдова. В октябре 1941 г. он получил суточный отпуск и приехал в свою московскую квартиру:

Свою соседку Клавдию Антоновну я застал в пальто, с узелком и книгами на коленях. Увидев меня, она вскочила, засуетилась:

— Ты видишь, что происходит? Надо готовить семинар, а тут воздушная тревога! Собралась в подвал, да вот так и просидела.

Клава засмеялась сухим, нервическим смехом и стала готовить чай, задавая мне разные вопросы — о выпускниках, о положении на фронтах. Чихвостила Гитлера и фашистов.

— Что творят! Что творят! — восклицала она. А потом спросила с тревогой: — Вот ты военный. Как ты думаешь, не сдадим Москву? Прорвутся немцы в Москву? Говорят, они в Можайске?

— Ни за что! — ответил я.

Мой уверенный тон успокоил Клаву. С удовольствием отхлебывая горячую воду, я искоса поглядывал на этажерку с книгами. Маркс. Ленин. История партии. Клава работает преподавателем в нашем институте, любит свой предмет. «Может быть, — подумалось мне, — наши книги сюда принести? Жалко, если растащат». Клава тоже о чем-то думала. Вдруг, нервно поставив на стол стакан, она спросила:

— Ты можешь быть до конца откровенным? Скажи, только честно: правда ли все то, что пишут о зверствах немцев? У меня просто в голове не укладывается, что так могут поступать люди. Целая нация, давшая миру великие умы. Это непостижимо!

Я поперхнулся и поставил стакан. Мое лицо, должно быть, сделалось очень злым. Я сказал, что воюет против нас не нация, а фашисты и те, кто одурманен ими.

— Иногда все кажется настолько нелепым, что в голову лезут дурные мысли, — перебила меня Клава.

Ну, нет! Это не растерянность, а нечто худшее!

— С ума ты спятила! — грубо сказал я, поднимаясь со стула. Продолжать разговор я был не в состоянии. Ушел, даже не поблагодарив за чай⁴⁰.

Через несколько дней И. Ю. Давыдову вновь представилась возможность заскочить домой:

³⁹ Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. М., 1989. С. 84, 87, 93.

⁴⁰ Давыдов И. Ю. Юность уходит в бой. С. 31–32.

В подъезде, как обычно, увидел вахтершу. Не ответив на мое приветствие, она раздраженно сказала:

— Экую суматоху подняли с ночи! А чего бегут? От своего страха бегут! Ладно бы тихо убрались, а то и на других нагоняют мутность. Да по мне, пусть едут, без них спокойнее.

Не хотелось расспрашивать, кто именно выехал. Поднявшись на свой этаж, я увидел на лестничной клетке аккуратно сложенные стопки книг в знакомых переплетах. Пробыл дома не более десяти минут. Жена не приехала, как условились, а мне надо было уже возвращаться в часть. Решил попросить соседку передать ей, где нахожусь. Дверь Клавиной комнаты открыла незнакомая женщина.

— Хозяйки нету, ночью уехала, — сказала она, окинув меня настороженным взглядом. — Просила меня комнату присмотреть. Время такое.

В комнате царил беспорядок. Бросилась в глаза пустая этажерка. В чем дело? Женщина развела руками, заметив мое недоумение:

— Хозяйка велела выбросить. Чтобы ничего такого в комнате не осталось, если немцы город займут.

— Чего «такого»?

— Ну, книги, что тут лежали. А я пожалела выбрасывать их на улицу. Сложила на лестнице.

Вот оно как, товарищ Клава. А я-то считал вас убежденной, твердокаменной! И в логике вам не откажешь: увидят немцы «такие» книги — разграбят комнату, а без них, может, и пожалеют. Тогда уж надо было бы повесить иконы!⁴¹

Люди, отбрасывавшие при приближении реальной опасности идейные ценности как отсохшую шелуху, не могли бы победить. Они были готовы стать рабами захватчиков, надеясь такой ценой сохранить себя.

Напротив, люди, всерьез относившиеся к своим духовным ценностям, были готовы на жертвы ради сохранения своей идентичности и выживания социума в целом. В эти же месяцы преподаватель истории марксизма из МГУ М. С. Зоркий писал семье из ополчения: «Мы еще не на главной линии боя, ее мы видим и слышим издали. Собираемся идти вперед, и только вперед. Я рад, что я не в числе продумывающих “оборонную тематику” в столовой Дома ученых»⁴². М. С. Зоркий погиб в октябре 1941 г. под Вязьмой.

В декабре 1941 г. было принято решение о демобилизации всех, кто имел ученую степень, аспирантов вернули доучиваться. Но не все согласились принять это решение. Докторант Института философии, недавний декан философского факультета Ф. И. Хасхачих сказал: «Пока моя Родина в опасности, мое место на фронте; я не имею права покинуть своих боевых друзей»⁴³.

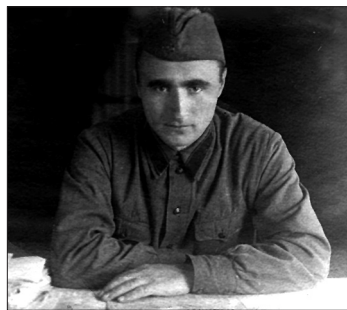
С Ф. И. Хасхачихом ушли в ополчение его студенты А. П. Серцова и Г. Д. Карпов. Они вспоминали:

⁴¹ Давыдов И. Ю. Юность уходит в бой. С. 42–43.

⁴² Археографический ежегодник. 2005. М.: Наука, 2007. С. 52.

⁴³ Хасхачих Ф. И. Вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Высшая школа, 1967. С. 9.

Мы оба, бывшие студенты МИФЛИ, находились рядом с деканом и можем засвидетельствовать и по дневным наступлениям и по ночным атакам, с каким бесстрашием участвовал в боях наш любимый учитель. В мирные предвоенные годы мы не могли даже предположить, что на фронте сложатся такие близкие, братские отношения между нами, студентами, и нашим наставником-деканом. Но это было так. Сейчас даже трудно себе представить, как в населенном пункте, только что освобожденном от немецких захватчиков, в развалинах льнозавода, в грязном полуподвальном помещении, защищавшем нас от осколков фашистских мин, наш декан говорил бойцам, бесконечно уставшим от непрерывных боев, недоеданий, вдохновляющие слова об освободительной миссии Красной Армии. Его уверенный тон, страстная убежденность придавали силы бойцам, поднимали их на штурм вражеских укреплений. Мы размышляем сейчас о том, что, по-видимому, это был единственный за всю историю случай, когда декан философского факультета с оружием в руках отстаивал те идеи, которые были его призванием⁴⁴.

Ф. И. Хасхачих

В большинстве случаев идейно-философское мировоззрение становилось духовной опорой в борьбе.

* * *

Какие особенности фронтового жизненного опыта влияли на формирование личности философов военного поколения?

Они пришли с фронта другими. Рано повзрослевшие — не литературный образ, а точная оценка сути психологической перемены. Д. И. Дубровский вспоминает о своем первом бое:

Я впервые увидел врага в лицо, впервые стрелял в него. Прямо на меня бежал здоровенный немец, паля из автомата, как мне казалось, прямо в меня. Я видел только его, воспринимал только его яростную решимость, и стрелял, стрелял, не отрывая пальца от курка автомата. Немец упал. В окопе на каждом шагу наши убитые и раненые. Неподалеку — несколько пленных, легко раненных немцев, вид у них жалкий. Впервые я увидел их так близко, но, странно, не испытал ни чувства ненависти, ни особого любопытства. Уже вечерело, старшина, все время находившийся рядом, говоривший со мной весь день грубо и отчужденно, вдруг приветливо, по-отечески обратился ко мне, как раньше:

— Покурим, Давыдка. Выдохся фриц.

В этот день я увидел столько смертей и столько крови и мук, что во мне что-то переломилось, я стал другим. Каким? На этот вопрос словами трудно ответить. Но я точно помню, что другим, сильно повзрослевшим⁴⁵.

⁴⁴ Серцова А. П., Карпов Г. Д. Декан — комиссар // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1987. № 5. С. 72.

⁴⁵ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 96–97.

Главная задача человека на войне — не погибнуть. Об этом говорится в воспоминаниях ветеранов⁴⁶, и это не имеет никакого отношения ни к воинской отваге, ни к исполнению долга, ни к необходимому самопожертвованию. Военные погибают, чтобы выжил их народ, и чтобы победить, надо выжить. Но вся война, минута за минутой, это цепь случайностей, «игра со смертью». Поэтому опытный боец это тот, кто стремится минимизировать случайность гибели в рамках возможного. Иными словами, содействует, сколько может, своему фронтовому везению, следуя мудрости: «Береженого Бог бережет».

Вопрос о Боге напрашивается сам собой для людей, находящихся постоянно на грани жизни и смерти. Кому-то вера помогает жить и воевать. Кто-то, напротив, приходит к иным выводам:

«Я вот с войны убежденным атеистом стал»⁴⁷, — писал Е. Г. Плимак, вспоминая различные военные ситуации и прибавляя, что вырезанная на ременной пряжке каждого немца надпись «Бог с нами!» не спасала владельца ремня.

Быть может, это парадокс, но парадокс самой жизни: тот же самый человек, который проявлял разумную осторожность, в критический момент боя может испытать описанное поэтом «упоение в бою» и не беречься вовсе: «Под звуки разрывов немецких снарядов и свист осколков мы вели бешеный огонь по отходящим немцам, столь яростный, что я забыл просто про Смерть, одним огнем жил да поправками сбивающейся на сторону прицельной линии»⁴⁸.

Будь что будет! Военной судьбой управляет «необходимость, промашка, случай»⁴⁹. В воспоминаниях почти каждого ветерана есть рассказ о том, как он погиб бы, если бы не такой-то случай, или как он выжил, потому что, по случаю, привелось погибнуть другому бойцу, подчас товарищу или другу. Пару таких рассказов из своей фронтовой жизни Е. Г. Плимак резюмировал: «Остался так вот я жить после войны, философию, историю, политологию всю жизнь постигаю»⁵⁰.

Над ролью случая в военной судьбе человека размышляют многие философы-ветераны. Д. И. Дубровский считает, что «...в ней есть две составляющие: то, что зависит от тебя, и то, что не зависит. Часто обе эти составляющие то логично, а то причудливо взаимодействуют, сочетаются друг с другом. Но иногда с тобой происходит такое, что определяется лишь загадочным стечением обстоятельств. Может быть, и в таких случаях что-то зависит от меня самого, однако, наш ум бессилен найти здесь четкую связь»⁵¹.

Раздумывая над соотношением внешних обстоятельств, случая и собственных предусмотрительности, осторожности, предчувствия, невыразимых интуитивных решений, Д. И. Дубровский пришел к выводу, что в его военной судьбе имело место

⁴⁶ Плимак Е. Г. На войне и после войны. М.: Весь Мир, 2005. С. 17, 22, 25.

⁴⁷ Там же. С. 20, 32.

⁴⁸ Там же. С. 29.

⁴⁹ Там же. С. 32.

⁵⁰ Там же. С. 72.

⁵¹ Там же. С. 113.

«сотворчество, в котором я принимал не менее важное участие, чем *то*, что творило ее вместе со мной»⁵². Но тут же он прибавляет: «Вспоминая фронтовые передраги, я должен признать, что да, было, действительно, было нечто такое, что порой хранило меня от смерти. Где оно обитало — во мне или вне меня — этого я не знаю»⁵³.

Нигде случай так легко не переходит в необходимость и наоборот, как в военной судьбе человека.

Помню насквозь простреливаемый плацдарм, — вспоминал Л. А. Коган, — небольшой участок, на котором мы не успевали хоронить развороченные тела погибших. Много зависело и от случайности. Все это вырабатывало у людей определенную психологию, черты особого, я бы сказал, здорового фатализма, выражаемого поговорками «будь что будет», «двум смертям не бывать, а одной не миновать». Этот «толстовский» фатализм, не расслабляющий, а, напротив, морально укреплявший и спасительный, я часто наблюдал у солдат; таких людей, готовых ко всему, нельзя было ни сломать, ни запугать. С тех пор я проникся величайшим уважением к русскому солдату, его невероятной стойкости, лихости, долготерпению⁵⁴.

Вот этот «толстовский» фатализм и был одним из главных секретов стойкости русских солдат. Пограничное состояние становится на войне повседневностью: «Была существенная разница между фронтом и дальним (подлинным) тылом: она определялась постоянной смертельно-рисковой атмосферой первого. Действующая армия являлась зоной наибольшего риска. Человек, находящийся там, никогда не знал, будет ли он жив к вечеру, доживет ли до утра»⁵⁵.

Находиться в пограничном состоянии постоянно невозможно, но приходится. В этом постоянстве тоже заключен известный парадокс. В. В. Вересаев, служивший военным врачом во время русско-японской и Первой мировой войны, писал о самой страшной, но и самой спасительной на войне способности человека ко всему привыкать.

Л. А. Коган рассказывал то же об опыте Великой Отечественной:

Война учила простым, но полезным вещам, например тому, что самое страшное, устрашающее не всегда является самым опасным. Страшнее обычно видимая угроза, опасней — невидимая. Бомба, сброшенная прямо над тобой, обрушится скорее всего где-то впереди, а опасаться надо той, которая начала падать в отдалении, на подлете и вроде бы не тебе предназначена. Главная опасность безмолвна, неприметна⁵⁶.

Д. И. Дубровский высказал интересное наблюдение: «Сон солдата чуток, как у собаки. За ночь просыпаешься много раз — от шорохов, слабых звуков. А вот стрельба, вспышки осветительных ракет — не будят»⁵⁷.

⁵² Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 99.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Коган Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... С. 71–72.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 100.

По словам Д. И. Дубровского, знакомый нам панический страх темноты или неизвестности, который подогревается разыгравшимся воображением, принципиально отличается от страха, переживаемого в бою, в минуты реальной опасности: «Это был совсем другой страх, при котором не теряешь головы, и чем больше опыт, тем привычнее и проще разбираться с ним и делать свое дело»⁵⁸.

В одном и том же бою гамма отношения к опасности может меняться от бережения от нее, через игнорирование опасности, к перенебрежению ею. В 1943 г. В. А. Разумный участвовал в наступлении на Кировоград:

Какой-то шальной снаряд угодил прямехенько в штабеля деревянных ящиков склада боеприпасов. Никто еще не осознал, что произошло, ибо к этому времени мы обвыкли не кланяться каждой пуле, не реагировать на любой разрыв мины либо снаряда, а ко всему относиться, как говорили солдаты, с пониманием и целесообразно. Но на беду по ящикам пополз зловещий огонек. Как ни странно, по мере нарастания этого жара все обитатели окопов начали застывать в неподвижности, а затем постепенно стали сползать в укрытие. «Какое, мать Вашу так, укрытие! Сейчас рванет!» — неожиданно прокричал командир моей пулеметной роты и сразу же сбежал со склона вниз, прямо в полыхающее пламя. Секунда — и вслед за ним кубарем с лопаткой лечу и я, ничего не соображая и не осмысливая, кроме страшной опасности для всех. Вспыхивали голубыми фейерверками те заряды, которые прилагались к минам, потрескивали сосновые доски, обжигая закипавшей смолой — а мы все сбрасывали и сбрасывали ящики вниз. Сбрасывали, уже ничего не чувствуя, и остановились лишь тогда, когда подоспели с кирками и лопатами саперы, засыпавшие расплавленное полотно тлеющих у штабелей мин углей. Мы же добрались до ячеек в окопах и свалились, ничего не осознавая. Заговорили мы после шока лишь на следующий день, когда на бруствере ячейки появился генерал, командир дивизии, поблагодаривший нас⁵⁹.

Сказанное во многом объясняет известный, но не до конца понятый эффект боевого братства. Люди, прошедшие боевые передряги, становятся боевыми товарищами по работе, фронтовой семьей. Человек мог не знать даже имен-отчеств или фамилий своих соратников по борьбе, именовать их «товарищ майор», «товарищ сержант» или — только по имени. Но связь между ними была крепче, чем, подчас в обычной семье. Разгадка же проста: «Фронтовая жизнь, это работа, работа и работа, работа при любых стрессах и сверхстрессах и в любых ситуациях. Срабатываешь плохо — расплатишься кровью своей и своих товарищей. Хорошо — и себя спасешь, и товарищей»⁶⁰.

Е. Г. Плимак, служивший военным переводчиком в разведотделе, вспоминал случай. Штабная колонна в сумерках втянулась в деревню. Кто в ней — неизвестно. А тут из лесу выдвигается другая колонна. Подполковник приказал ему узнать, кто там:

⁵⁸ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 87.

⁵⁹ Разумный В. А. Моя война. С. 25.

⁶⁰ Плимак Е. Г. На войне и после войны. С. 16.

Помогают сбросить жизнь (да и не только одному мне!) советы «боевых товарищей по работе». «Набрось плащ-палатку немецкую, идиот, не в гости идешь!» — бросает мне майор. Эта плащ-палатка, в сущности, и спасла нам жизнь. В сгущающейся темноте направляюсь от нашей колонны к той. Уже различаю: впереди штабной грузовичок, за ним темные силуэты «пантер». Мне хочется бежать назад, но я иду вперед. Если я удаюсь, а что я замечен — нет сомнений, нам всем хана. Подхожу вплотную к немецкой колонне, нагло открываю дверцу зачехленного грузовичка. Передо мной в кабине немецкий офицер. Нечленораздельно — страх скулы сводит — произношу с долей иронии: «O! Gutten Abend!» (а ведь ночь уже!). Захлопываю дверцу и спокойно — что стоит мне это спокойствие! — иду назад к нашей колонне, затем, уже в темноте, бегу к «виллису», докладываю внеустановленным вполголоса: «Немцы. Черт знает сколько. Много танков».

В деревне у нас был всего лишь один оставший Т-34 с оторванной пушкой. Выручила русская смекалка. Решили, что этот танк будет газовать сначала на одной окраине деревни, потом на другой. Немцы «разгадали» «ловушку»: им готовят танковые «клещи» — и не решились ночью двинуться вперед. А наутро пришел вызванный по радиации полк самоходок, и русские танковые «клещи» стали реальностью⁶¹.

Как нигде на фронте работает мужской девиз «Один за всех и все за одного». Но в конечном счете все зависит от тебя.

* * *

Нельзя не затронуть тему женщин-философов на войне. Л. А. Коган писал в своих воспоминаниях о войне:

Повергли меня в удивление и преклонение наши фронтовые женщины, они были самозабвенно бесстрашны. За всю войну я не видел у них депрессивных и, тем более, панических настроений; напротив, они часто показывали нам пример стойкости, выполняя свой долг не только как санитарки, врачи, связистки, переводчицы, но и как снайперы, разведчицы, летчицы⁶².

О том же писал В. А. Разумный: «Пора, пока мы живы, рассказать молодежи о том, как рядом с нами, солдатами Победы, сражались на равных миллионы женщин: санитарок, снайперов, партизанок, летчиц, танкисток. Да еще как сражались!»⁶³

Воевавшие женщины-философы поражают силой своего духа. Своим бесстрашием они становились примером для подражания, само их присутствие мобилизовывало мужчин. Их было немного, но их личности и дела феноменальны.

А. Ф. Жидкова в 1935 г. окончила аспирантуру философского факультета МИФЛИ. В 1939 г. получила звание доцента. В 1940 г. выпустила сборник текстов по античной философии. В первые дни войны пришла в военкомат с просьбой послать ее добровольцем на фронт. Дежурный по военкомату ответил:

⁶¹ Плимак Е. Г. На войне и после войны. С. 17–18.

⁶² Коган Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... С. 72.

⁶³ Разумный В. А. Моя война. С. 20.

- Философы нам не нужны.
- Теперь у нас у всех одна философия — борьба против общего врага.
- Вот была бы у Вас какая-нибудь военная специальность.
- А какие специалисты Вам нужны?
- Всякие. Хотя бы медицинские сестры.
- Хорошо, я стану медицинской сестрой⁶⁴.

В тот же день она записалась на трехмесячные курсы медсестер. Писала подругам: «Уж я по старой комсомольской привычке жму, жму, а все же движение идет медленно. Сколотили мы на курсах группу 15 человек, чтобы побыстрее кончить, все зачеты сдавали досрочно, практику отработали ударно, дежурили в клинике день и ночь. Но полный выпускной экзамен нам обещают не раньше 15 сентября, а может, еще позже, ждать уже нет сил»⁶⁵.

Окончив курсы с отличием, А. Ф. Жидкова вновь пришла в военкомат. Ее направили в санитарный взвод ополченческой дивизии. Но она хотела непосредственно участвовать в боях. Освоила пулемет, и ее зачислили в зенитный пулеметный расчет. Написала подругам:

Так много хочется сказать Вам, но времени мало — скоро идти на дежурство. Пулеметом владею теперь хорошо, спокойно. Когда ночью гудит подмосковная земля от канонады и гудит подмосковное небо, я плечом к плечу с другими бойцами на передовой, мы отражаем самые жестокие атаки противника. Сколько величайшей преданности, любви к Родине у наших обыкновенных, самых разнообразных людей — в этом наша сила. Иногда хочется обнять всех сразу, сказать от всего сердца о своих чувствах. Но слов не надо, и словами трудно выразить то, что на душе. Одно могу сказать, что жизни не пожалею в боях за Родину, за партию, за нашу боевую семью⁶⁶.

А. Ф. Жидкову выдвинули на должность инструктора политотдела дивизии. Но она попросилась в один из стрелковых батальонов. Пошла с ним в атаку. Вдруг наш пулемет замолчал, атака остановилась. А. Ф. Жидкова заменила раненого пулеметчика и стала стрелять в упор по противнику. Под прикрытием пулемета бойцы снова поползли вперед по снежному насту. А. Ф. Жидкова была ранена в руку и потеряла сознание. Пришла в себя во время контратаки гитлеровцев и возобновила стрельбу. В новой атаке была убита пулей наповал.

Аспирантка философского факультета МИФЛИ В. И. Стружкова на фронте была избрана партгоргом артиллерийского дивизиона. Но она не ограничила свою работу сферой пропаганды. В 1943 г. в одном из боев она приняла на себя командование орудием при отражении контратаки пехоты противника. В 1944 г. ее дивизион отражал атаку 100 немецких танков. Она находилась с бойцами. Когда все орудия были выведены из строя, батарейцы не отошли, заняли оборону

⁶⁴ Самойлов Л., Скорбин Б. Русская женщина // Красная звезда. 1962. 31 марта.

⁶⁵ Великая Отечественная в письмах. М.: Политиздат, 1982. С. 45.

⁶⁶ Там же. С. 46.

А. Ф. Жидкова с однополчанами

В. И. Стружкова

Г. В. Гордиевич

и продолжали уничтожать вражеских автоматчиков из личного оружия. В этом бою В. И. Стружкова погибла.

Г. В. Гордиевич в 1938 г. поступила на философский факультет МИФЛИ. В институте училась на «отлично» и «хорошо». На экзамене по античной философии у Б. С. Чернышева получила оценку «отлично»; на экзамене по философии Нового времени у Д. Ю. Квитко — «хорошо». В июне 1941 г. окончила двухгодичные курсы медицинских сестер и добровольно ушла в армию. В 1942 г. под Сталинградом была тяжело ранена в ногу. Под Брянском была вторично ранена, но от эвакуации отказалась. В 1944 г. во время боев в Брянских лесах попросила перевести ее фельдшером батальона. Пехоте и танкам противника удалось прорваться и отрезать батальон. Стало невозможным эвакуировать раненых в тыл. Г. В. Гордиевич осталась с 50 ранеными в деревне Петровка. Она ждала прибытия транспорта для их эвакуации.

В Петровку ворвались фашистские танки и пехота. Горсточка гвардейцев встретила их гранатами, автоматным и пулеметным огнем. Галина воодушевляла раненых бойцов, взяла на себя руководство боем. Немецкие автоматчики под прикрытием танков приближались к дому.

— Мы стояли насмерть, — вспоминал бывший старший сержант Н. В. Эргард, чудом оставшийся в живых. — Добровольцы схватились с эсэсовцами. Несколько десятков забинтованных, окровавленных бойцов из окон, с крыльца и из ближайших укрытий вели огонь по противнику. С автоматом в руках Галина появлялась там, где было тяжелее всего. Меткими выстрелами она заставляла фашистов откатываться. Так длилось несколько часов. Меня полоснула автоматная очередь, и я потерял сознание.

Позже выяснилось, что фашисты ворвались в дом, в упор расстреливали раненых. Они схватили Галину. Истекающую кровью девушку истязали, выламывали

руки, кололи штыками. Когда противник был выбит из Петровки, в село вернулись жители. 15-летний Павел Павенский вошел в свой дом, где размещался медицинский пункт.

— Меня охватил ужас, — вспоминал Павенский. — Среди обломков мебели, посуды, штукатурки лежали убитые бойцы. А на моей кровати — исколотая штыками девушка. Фашисты вырезали на ее теле кресты⁶⁷.

Тема любви на войне заслуживает особого разговора. Лучше, чем это сделано в письмах Э. В. Ильенкова, не скажешь о роли любви на войне, любви к оставшейся там, далеко дома женщине:

Если я для тебя так же дорог, как ты для меня, Иринка, то я не могу не вернуться. «Жди меня, и я вернусь! Только очень жди...» Хороший поэт! Родина для меня — это ты. За нее, за тебя я буду драться, не жалея ничего. Меня нисколько не пугают теперь трудности борьбы — холод, голод, смерть. Я знаю, что вытерплю все это, потому что так надо, потому, что ты меня ждешь. И я вернусь целым, невредимым⁶⁸.

В дни штурма Берлина Э. В. Ильенков писал своей девушке:

Пишу тебе из большого города, всемирно известного — если цензура не зачеркнет — Берлина. Сiju со своими ребятами на крыше, наблюдаю и командую огнем. Вдаль от меня уходит улица под красивым названием «Unter den Linden» — это значит — «Под липами». На днях водрузим знамя Победы над этим треклятым городом, наверно — завтра к вечеру. А ты в Москве слушай салют нашему Жукову — хотя, что я пишу — ведь когда ты получишь это письмо, этот салют уже будет позади. А как мне хотелось бы, чтобы сегодня, 25 апреля, ты знала, что я сiju на крыше на одной из берлинских улиц и завоевываю салют, что ты будешь слышать в далекой Москве завтра-послезавтра!⁶⁹

Сказанное нужно понимать с поправкой на личность автора. Особенно если учесть, что Э. В. Ильенков и эта девушка, «*встретившись сразу после войны, пошли каждый своей дорогой жизни, обретая новых друзей и близких*»⁷⁰. Э. В. Ильенкова люди, его знавшие, называли «святым». И в самих письмах говорится о том, что ими люди «утешали, как умели, друг друга в те холодные вьюжные дни, когда война раскидала нас в разные концы страны»⁷¹.

Важно, даже жизненно необходимо знать, что тебе надо вернуться к кому-то и для кого-то.

Но человек сложен, и к этой стороне не сводится его личная жизнь, особенно в экстремальных условиях войны. Нередко с людьми случалось и известное жизненно-психологическое «раздвоение».

⁶⁷ Семиколенных Н. В. Бессмертный подвиг коммунистки Гордиевич // Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. С. 51.

⁶⁸ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. С. 200.

⁶⁹ Там же. С. 227–228.

⁷⁰ Там же. С. 196.

⁷¹ Там же. С. 204.

* * *

В годы войны философы служили во всех родах войск. Много среди философов было артиллеристов — здесь нужно иметь хорошее образование. Э. В. Ильенков часть своего боевого пути прошел на «сорокопятках». Эти орудия артиллеристы называли «Прощай — Родина!», потому что те хорошо стреляли только с короткой дистанции, но не успевали сделать много выстрелов и расчет погибал вместе с орудием. Э. В. Ильенков писал своей девушке:

Целым и невредимым остаться там, где я работал, было очень мудрено. А доставалось мне крепко не раз и не два. Ты знаешь, может быть, что тот значок, что я носил до последних дней на левом рукаве, называют значком «смертников», а те игрушки, на которых я работал — «Прощай — Родина»? Для очень многих моих товарищей эти названия оказались справедливыми. А что я оказался одним из счастливых — то, видно, суждено мне опять тебя увидеть⁷².

Д. И. Дубровский был в бою четырех «сорокопяток» с двадцати двумя немецкими танками:

После первых выстрелов батареи задымили два танка, один загорелся. Танки тотчас сошли с дороги, развернулись в ряд и, стреляя, пошли на батарею. Я даже не подумал о смерти, испытывая возбуждение, страх, все, что угодно, но только не чувство неминуемой близкой гибели. Я успел снова набрать снаряды и, низко пригибаясь, спотыкаясь, побежал к орудию. И в этот момент что-то горячее, душное страшно ударило меня во весь рост. Всё! Очнулся я полузасыпанный землей. Я протянул руку к стволу автомата. Приклад был расщеплен крупным осколком — наверняка спас мне жизнь. В очередной раз придя в себя, я осторожно повернулся на бок и посмотрел на солнце. Оно стояло в зените. Значит, после боя прошло больше трех часов. Я подполз к нашему орудию. Около него лежали страшные обрубки, залепленные пропитанной кровью землей. Я выполз из расщелины и сквозь деревья увидел наших солдат. Очнулся я уже в медсанбате: белая простыня, под головой подушка. Как мне рассказали, гимнастерка, брюки и даже сапоги мои были изорваны осколками в клочья, на теле, наверное, сотня глубоких порезов, царапин, ссадин. На второй день ко мне стал возвращаться слух, но в голове по-прежнему сильно звенело. Медсестра, ухаживавшая за мной, громко повторила несколько раз в самое ухо, что я «везунчик»⁷³.

Обо всех подвигах воинов-философов невозможно рассказать. Я попытался это сделать в статье о боевых наградах сотрудников Института философии на основе анализа наградных листов⁷⁴.

Отмечу здесь только два поразительных случая. И. А. Иржак отучился первый курс на философском отделении историко-философского факультета МГУ, потом был призван в армию, где стал летчиком. В 1944 г. при выполнении боевого

⁷² Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. С. 225.

⁷³ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 102–103.

⁷⁴ Корсаков С. Н. Боевые подвиги и боевые награды сотрудников Института философии РАН на фронтах Великой Отечественной войны // Философические письма. 2020. № 2. С. 126–146.

И. А. Иржак

М. М. Мещеряков

задания он на горящем самолете врезался в дом с засевшими в нем немцами. В 1965 г. к 20-летию Победы посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени. М. М. Мещеряков в 1937 г. окончил философский факультет МИФЛИ. Работал преподавателем философии в Московском авиационном институте и Московском институте физкультуры. Прошел всю войну, стал Героем Советского Союза, остался после войны в армии и дослужился до генерала.

Какой получается из анализа документов того времени специфика использования государством философов в военных условиях? В некоторых военных специальностях философов было больше, чем в других. Речь идет, конечно, о политработниках и военных журналистах. Политработник на фронте отвечает за все, включая кадровые и бытовые вопросы, прием пополнения. При этом он должен быть готов всегда заменить строевого командира. Специализация политработников была различной.

Были агитаторы. Что это значит по существу? Агитатор — это не тот, кто говорит, а тот, кто делает. В критический момент боя кто-то должен подняться первым, подать пример, которому последуют остальные. Но никто из бойцов не обязан стать этим первым. Агитатор и есть тот, кому это «положено» сделать. Будущий сотрудник Института философии А. И. Крылов в наступательных боях 1945 г. был агитатором полка. В критическую минуту боя, когда пехота противника перешла в контратаку при поддержке само-

ходок, он сумел остановить дрогнувшие цепи бойцов и организовать отражение контратаки противника.

Еще одна специализация политработника, уже высокой квалификации — лектор. Вновь нужно продраться к сути смысла этого слова. Информация на войне — мощнейшее оружие. Даже вовремя доставленная бойцам или мирным жителям газета оказывает огромное мобилизующее воздействие. Тем более живое слово информированного человека, который обычно воспринимается как знающий больше того, что он может сказать. Герой Советского Союза генерал Н. А. Козлов писал в своих воспоминаниях, что в их полку «буквально дневал и ночевал» лектор политотдела Т. И. Ойзерман. Лектор «зажигал сердца», и «авторитет его измерялся на количеством кубиков на петличках, а страстностью, деловитостью, богатством знаний. Чего греха таить, иногда беседы или лекции действовали на слушателей как снотворное, но когда слово брал Ойзерман, равнодушных не было. Много лет минуло с тех дней, а я до сих пор помню беседы Теодора Ильича. В политруке военных лет Ойзермане я вижу образец политического работника, друга и товарища»⁷⁵.

⁷⁵ Козлов Н. А. В огне сражений. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968. С. 111–112.

Слова генерала сказаны не зря. По свидетельству самого Т. И. Ойзермана:

Летчики были требовательными людьми. Они ставили вопросы, на которые я не всегда мог убедительно ответить. Например: почему у гитлеровцев превосходство в воздухе, ведь перед войной у нас было больше самолетов, в особенности истребителей, чем у немцев? Почему у гитлеровцев больше танков? Ведь до войны мы превосходили немцев и в этом отношении. Каждый из этих вопросов волновал не только летчиков, но и меня самого. Я, конечно, пытался найти удовлетворительные ответы. Главное, что мне было ясно и что очень радовало меня: летчики, как и я, нисколько не сомневались в том, что немецко-фашистские полчища, несмотря на их временные успехи и преимущество, будут разгромлены и наши армии обязательно войдут с боями в Берлин. Каждодневное общение с летчиками было для меня жизненно важным. Я знал почти каждого по имени и отчеству, каждый из них рассказывал мне о себе⁷⁶.

После контузии и месячного лечения в госпитале Т. И. Ойзерман служил в пехоте. И здесь он также по два-три дня в неделю находился в окопах и траншеях и разговаривал с бойцами обо всем, что их волновало:

Бойцы привыкли ко мне. У них было много вопросов. Некоторые из них обсуждали со мной свои семейные дела. Мне также давались советы умудренными солдатами. Здесь впервые мне пришлось участвовать в отражении атаки. Я стрелял из автомата ПППШ, а затем из ручного пулемета, выпавшего из рук раненого бойца. Когда немцы пошли во вторую атаку, они настолько приблизились к нашим окопам, что стали уже бросать гранаты. Мы отвечали им тем же⁷⁷.

Не следует думать, что служба лектором страхует от опасности. Ф. И. Хасхачих погиб, когда выступал перед бойцами с лекцией к годовщине революции. Снаряд накрыл блиндаж, пробил настил и взорвался.

Многие философы служили в разведке — во внешней и во фронтовой. Философы работали на всех уровнях фронтовой разведки: добывание информации за линией фронта, опрос пленных, перевод и обработка трофейных документов, анализ и прогноз тенденций поведения противника. В управлениях по разложению войск противника философы занимались как спецпропагандой на войска противника, так и заброской во вражеский тыл немецких и других антифашистов, одетых в соответствующую военную форму. В органах военной контрразведки философы работали по выявлению и ликвидации агентуры противника. В особенности ее задачи усложнились в ходе наступления по территории стран-агрессоров. Необходимо было раскрывать состав существовавших там фашистских организаций. Важной была и служба в управлениях по работе с населением освобождаемых территорий.

⁷⁶ Навеки в памяти. С. 115.

⁷⁷ Там же. С. 117.

Отдельно хочется сказать о подпольщиках и партизанах. В их борьбе опасность подстерегала не только ежеминутно, но и отовсюду. Тыла для них не было. В период немецкого наступления на Сталинград в июле 1942 г. Л. Смирнов был оставлен в родном районе для подпольной работы.

За это время я четыре раза имел возможность или быть расстрелянным, или предварительно познакомиться с гестапо, — вспоминал он впоследствии. — Некоторые старые казаки рассчитывали: вот придут немцы, распускают колхозы, и проживем мы привольной единоличной жизнью. Однако немцы не спешили распускать колхозы и не шли на сближение с казаками. Старики пытались встретить немцев хлебом-солью, но офицер отшвырнул подношение и обозвал их русскими свиньями. Когда у соседей немцы зарезали телку, я заметил, что это пока индивидуальный грабёж, а скоро начнется организованный. Дед Никифор, не задумываясь особенно, отреагировал: «Ну, организованно-то грабила Советская власть!» А на другой день немцы приказали согнать на колхозный баз всех хуторских коров, отобрали половину и отправили на скотобойню. Дед был страшно расстроен⁷⁸.

Чтобы не выдать себя, подпольщик должен был быть внимателен к любой детали:

В хуторе на улице нас перехватила группа румынских жандармов⁷⁹. Тот, что в середине, видимо, старший, зло смотрит на меня и тычет пальцем: «Ту жид?» — «Нет», — отвечаю автоматически: вот уж не ожидал! «Брешешь!» — режет румын. Уверю, что русский, казак, показываю, где живу. Румын не верит, вытаскивает из кобуры пистолет и подносит его к моему лицу. Мой двоюродный брат вдруг громко и уверенно заявляет: «Да наш он, его дядя — староста!» Не успели мы войти во двор, как сюда вскакивают два вооруженных карабинами румына в полной форме и требуют документы. Паспорт у меня в порядке, я — русский. Начинают обыск, лезут на чердак, в подпол, заглядывают под кровати. Ищут еврея. И тут меня осеняет — борода! Решил отпустить бороду, чтобы меньше узнавали. А оказалось, что моя борода в сочетании с рыжими космами сделала меня похожим в глазах румын на еврея... На улице нас останавливает немец. Немец внимательно посматривает в мою сторону и вдруг говорит, показывая на меня пальцем: «Ту партизан». Мои ребята дружно протестуют. Но немец продолжает всматриваться в меня и уверенно повторяет: «Ту партизан». Что-то меня выдает, что-то во мне вызывает подозрение. Как все хуторские ребята, я хожу босиком, давно не стрижен. Но на мне красная майка, спортивная одежда, которую в деревне тогда и не носили. А другой у меня не было, кстати, как и обуви⁸⁰.

Подпольщик должен был проявлять повышенную выдержку, чтобы нетерпением или страхом не выдать себя:

Вижу за полотном железной дороги человека, набирающего воду в колодце. Румынский солдат достает ведро и смотрит в мою сторону, явно поджидая. Ни в коем

⁷⁸ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. С. 41.

⁷⁹ На флангах сталинградской группировки немцев стояли румынские дивизии.

⁸⁰ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. С. 41–42.

случае не останавливаться. Солдат говорит: ком, пан, там машина. Да не нужна мне машина! Но румын настойчиво тащит с собой. Здесь мне пришлось изложить свою легенду. Она вполне правдоподобна, но у румын есть плохо скрываемое желание проверить ее достоверность. И вот мы едем. В кузове я один, румыны разместились в кабине, на подножках, капоте. По дороге они дважды останавливали немецкие машины и советовались, что делать со мною. Немцы не хотели связываться и рекомендовали румынам сдать меня коменданту. Это было в высшей степени опасно. Спрыгнуть на ходу? Но за мной, наверное, наблюдают, а, кроме того, за нами постоянно идут машины. Единственная надежда на то, что румыны поленятся заезжать в Котельниково. Так и есть! Выждав немного, стучу по крыше кабины, машина приостанавливается, я выпрыгиваю⁸¹.

В подполье часто случалось, что агент, которого «законсервировали» заранее, трусил и отказывался работать, а выручал человек, от которого такого и не ожидали. Г. Л. Смирнов столкнулся и с тем, и с другим. Он пришел к связному, но «...этот “подпольщик” даже не скрывал своего испуга и недоверия, хотя ему были предъявлены все пароли. — Я думал, — сказал он, — что пошутили, когда со мной говорили о задании. Немцы прут такой махиной, что их не остановить при помощи комсомольцев-подпольщиков»⁸².

Случайно Г. Л. Смирнов встретил школьного друга: «Он рассказал, как его обчистили румыны: забрали зимний пиджак, брюки, рубашку, сахар — все»⁸³.

Вместе им удалось устроиться в железнодорожное депо разнорабочими на поворотный круг, при помощи которого составы принимались с внешних путей и направлялись в депо. Решили вывести круг из строя. Товарищ Г. Л. Смирнова разбирался в электричестве и предложил испортить электромотор:

«Мы осмотрелись, немцев близко не было. Я тихо сказал ему: давай! Иван наклонился к мотору и что-то стал делать, потом так же шепотом сказал мне: “Готово, включай!” Я включил рубильник, через мгновение — вспышка, мотор взревел и стих. Везде потух свет. Быстрым шепотом Ивану: “Сматывайся!”»⁸⁴.

После этого ребята перешли на нелегальное положение.

Люди, которые прошли через эти испытания, знали цену жизни и спокойно относились к суетному, преходящему, отличались особой добротой и человечностью. Об академике Г. Л. Смирнове все вспоминают как о руководителе, который стремился помогать конкретному человеку и не жертвовал им во имя властных или идеологических соображений.

Но опыт войны имел для Г. Л. Смирнова и путеводное философское значение. Г. Л. Смирнова волновал вопрос: что такое советский человек, почему он устоял в условиях войны и оккупации. Г. Л. Смирнов «заболел» темой формирования личности в советском обществе, занимался ею всю жизнь, пройдя путь от студента до академика и директора Института философии.

⁸¹ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. С. 43–44.

⁸² Там же. С. 46.

⁸³ Там же. С. 45.

⁸⁴ Там же. С. 47.

Мы все помним А. А. Старченко, блестящего лектора и замечательного, мудро-го и мужественного человека. Он рассказывал:

Я был комиссаром в подпольной группе, сами ребята меня выбрали, никто не назначал. Мы флаги вешали у себя в селе. Нас один парень выдал. Он был секретарем комсомольской организации школы — это же личность для сельской местности. Наш командир группы предложил ему: «Мы вот хотели бы заняться против немцев, подпольная группа, ты не хотел бы с нами вместе?» Тот подумал-подумал и говорит: «Нет, я, наверное, не буду». А когда мы флаги повесили, тут пошла такая пляска... Всех вызывают, всех допрашивают, с угрозами расстрела. Допросы с палками такими гнущимися, они кожей обшиты. Они и его допрашивали. Он испугался и сказал: «Да вот, мне Бондаренко предлагал». Немцы стали за нами наблюдать и всех четверых взяли. Нас арестовали, и в подвал нашей районной больницы, где мертвецкая была. Там не было трупов, правда. Держали, допрашивали два дня, но мы как-то выдержали, а на третий день повезли в Ростов в Богатынскую тюрьму, там держали полтора месяца, били, допрашивали: «Кто вешал флаг?» Попытались выбить показания. Никто не признался. Мы не сказали, что вешали флаги. Нас сразу расстреляли бы... Наши войска заняли Котельниково, и немцы стали отступать. В тюрьме много было ребят молодых, которых называли «шоколадниками». Почему? Им было по 14–15 лет, и они таскали из немецких машин шоколад, всякие другие продукты, потому что голод же был в военное время. Что с ними делали немцы? В тюрьму сажали, держали их там, избивали, а потом, когда прижали наши, отступить надо было, разогнали этих молодых ребят. Кстати, и мы попали под это, нам же лет 15–16 было, и с нами так же поступили. А тех, которые постарше, каждую неделю вывозили на автомашинах и расстреливали в танковых рвах. Потом я поработал в истребительном батальоне. В 1943 году, по ранению я ушел из истребительного батальона — взорвалась немецкая граната в руке. В 1943-м мне было семнадцать⁸⁵.

Именно этот опыт привел А. А. Старченко сначала на юридический факультет, а затем на кафедру логики философского факультета.

Мы видели, как ведется следствие и что такое вообще юридическая работа. Мы, молодежь зеленая, там увидели, что за нос можно водить и немцев. Так они от нас и не добились ничего! И мы тогда начали определять своим мальчишеским неразвитым мышлением, что у них есть в портфеле, а чего нет. Что это такое? Это логика. Логика расследования. Вот это и запало в душу мне почему-то. И когда встал вопрос, а куда же идти учиться, майор, который командовал нашим отрядом, говорит: «Анатолий, у тебя такой аналитический ум, иди в юристы». «Ладно, я подумаю, Виталий Иванович». И уже в Москве решил поступить на юридический факультет. Логику нам читал А. С. Ахманов. А. С. Ахманов давал нам логику не вообще, а с профессиональным уклоном. Я увлекся логикой, и как-то у меня шло. А тогда родилась у меня тема: логика в судопроизводстве, логика в судебном исследовании, логика судебного доказательства. Я этим заинтересовался и пришел в аспирантуру философского факультета⁸⁶.

⁸⁵ Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории. С. 323, 326.

⁸⁶ Там же. С. 327–328.

* * *

В партизаны одни уходили, или же их забрасывали через линию фронта, а другие становились партизанами, когда попадали в окружение и не могли догнать линию фронта, отползавшую на Восток, или когда сами бежали из плена.

Студент 4-го курса и председатель профкома философского факультета Ленинградского университета В. И. Дорофеев в начале войны стал председателем университетской комиссии по отбору добровольцев в отряды особого назначения. Сам он был старшим лейтенантом запаса. Его сокурсник и сослуживец по партизанскому батальону вспоминал: «...значительно старше нас по возрасту, всегда внимательный к товарищам, тактичный и вежливый, он пользовался большой любовью у студентов и преподавателей. Для каждого находилось у него доброе слово»⁸⁷.

В августе 1941 г. В. И. Дорофеев стал командиром партизанского батальона. Партизаны В. И. Дорофеева совершили четыре рейда за линию фронта. Они уничтожили десятки автомобилей и бронемашин, сотни солдат и офицеров противника, пустили под откос два эшелона с танками, артиллерией и боеприпасами. В. И. Дорофеев был награжден орденом Красного Знамени. Во время четвертого рейда при переходе линии фронта партизаны попали в засаду. В. И. Дорофеев был тяжело ранен.

Кто-то из партизан сказал ему: «Виктор, держись сколько сможешь!», надеясь на то, что его удастся вынести с поля боя и потом залечить рану. Но В. И. Дорофеев сразу понял безнадежность своего положения и смог лишь посоветовать: «Все, друзья мои, возьмите полевую сумку, там дневник и документы. Оставьте меня и уходите». Его, однако, не оставили, вынесли, но на медицинском пункте врач был вынужден констатировать смерть⁸⁸.

Аспирант Института философии АН СССР Г. А. Мартиросов не подлежал призыву по состоянию здоровья, однако в июне 1941 г. ушел добровольцем в ополчение. В октябре 1941 г., будучи тяжело контуженым, попал в плен. Прошел ряд фашистских лагерей. В плену работал санитаром и переводчиком в немецком военном госпитале в белорусском городе Лиде. Он вспоминал:

Зимой 1942 г. нас, группу военнопленных, около 80 человек, привезли в г. Лиду. Это были люди, оказавшиеся в неволе вследствие ранений, контузий, увечий, многие из тех, кто выжил в лагере смерти в Рославле. Несколько месяцев совместной лагерной жизни крепко спаяли изувеченных физически советских людей. Тройка коммунистов, Николай Воронин, Валентина Епанешникова и автор этих строк, исподволь выявили настроение товарищей по фашистской каторге и постепенно привлекли их к антифашистской деятельности. Обстоятельства определили и наш профиль. Мы действовали первоначально в одном-единственном направлении — вселить веру в неизбежность краха гитлеровцев. Только тот, кто пережил кошмар фашистской неволи, может понять, как это было важно в сердце

⁸⁷ Миролюбов А. С. 30 месяцев за линией фронта. Л.: Лениздат, 1971. С. 7.

⁸⁸ Бережной А. Ф. Они сражались за Родину. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 2. С. 57.

своем иметь неугасимое пламя этой веры. Сначала агитация была устной, но вскоре стала и письменной. Огрызком карандаша на клочках бумаги писались скупые цифры, направления боевых фронтов, названия городов и районов, освобожденных Красной Армией. Так передавалось содержание сообщений Совинформбюро. Незримыми и неуловимыми нитями шли эти сообщения от одного к другому, связывая их в одно целое. В самой Лиде наша группа действовала около года. Мы собирали оружие и медикаменты, необходимые для партизанских отрядов. Разумеется, и оружие с боеприпасами и медикаменты были немецкими. Подпольщики их доставали при разгрузке санитарных эшелонов в ночное время. Госпиталь принимал раненых с фронта. Ночная тьма, вокзальная суета, стоны и проклятия раненых, которым не до винтовок и гранат, положенных рядом с ними, прикрывали эту опасную, но до невероятности нужную работу — сбор оружия. Медикаменты доставала «женская» половина подпольщиков. Много изобретательности проявили девушки в этом до крайности нужном деле⁸⁹.

Г. А. Мартиросов настойчиво искал связь с партизанами. В декабре 1943 г. случайно один извозчик познакомил его с партизанскими связными. Г. А. Мартиросов установил связь с партизанским отрядом. Военнопленные стали выполнять задания по доставке партизанам боеприпасов, медикаментов и перевязочных материалов и готовить побег. Побег пришлось ускорить, так как группа оказалась под угрозой провала.

«Побег — сложный акт. Подготовка побега была проведена очень тщательно. Было рассчитано всё: как выдать автомашины, захватить вооружение, уничтожить охрану и вырваться из рабства. И все это без единого выстрела. Малейшая ошибка могла привести к гибели всех участников»⁹⁰.

Когда план был готов, старший группы отправил нескольких рабочих к немецкому офицеру сказать ему, что в общежитии появились вши. Офицер немедленно дал приказ отправить всех русских в баню вместе с постельным бельем. При госпитале был небольшой оружейный склад. Небольшая группа осталась, вырубил вечером свет на складе, под видом погрузки белья для дезинфекции погрузила оружие в две машины, остальные машины повредила, чтоб предотвратить погоню, и выехала к бане. Г. А. Мартиросов с товарищем убили сопровождавшего военнопленных немецкого унтер-офицера. Все погрузились в машины и выехали из города. Около реки Жижма машины были уничтожены, а люди добрались до партизанского отряда.

В партизанском отряде Г. А. Мартиросов участвовал в подрыве эшелонов с техникой и боеприпасами, в боях с карателями. Когда его представляли к наградам, партизанские командиры отмечали характерное для него сочетание качеств: смелости и дисциплинированности. Сочетание, достойное философа, которое можно выразить одним словом: мудрость. Г. А. Мартиросов в очередной раз проявил мудрость, наладив контакт белорусских партизан с воинами польской Армии

⁸⁹ Гецевич А. Люди удивительной судьбы: из воспоминаний Г. А. Мартиросова // Гродзенскі ўніверсітэт. 2019. 31 мая.

⁹⁰ Там же.

Крайовой, воевавшей в немецком тылу, но подчинявшейся не Москве, а Лондонскому эмигрантскому правительству. Поляки из Армии Крайовой хотели освободить свою территорию от немцев, не допуская на нее советские войска.

В 1944 г., накануне операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, советские партизаны должны были выйти на железные дороги и одновременно взорвать в германском тылу десятки тысяч рельсов. Лидские партизаны действовали на левом берегу Немана, поляки из Армии Крайовой — на правом. Но чтобы диверсионные группы могли выйти на «железку», нужно было переправиться через Неман и двигаться сквозь территорию аковцев. Г. А. Мартиросов вспоминал:

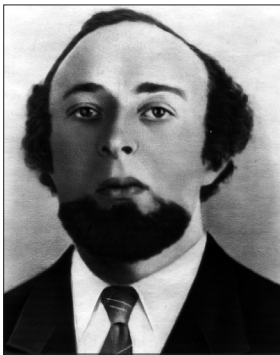
Весной 1944 года отношения нашей бригады с соединением АК обострились. Отправится группа подрывников на задание, а в бригаду не вернется. Потом уже мы узнаем, в чем дело: напоролись на аковцев и погибли. Боевые действия нашей бригады против немцев были, по сути, свернуты. Мы только тем и занимались, что держали по левому берегу Немана оборону против аковцев. А в канун операции «Багратион» Белорусский штаб партизанского движения подстегивал радиogramмами: «Рвать железнодорожную магистраль!» Но нелепо особенно сейчас, когда близится освобождение, погибнуть — да еще от пули славянина. Командование бригады решило договориться с аковцами, чтобы те пропускали партизан к железной дороге. Текст письма командование бригады поручило составить мне: «Ты, мол, товарищ Мартиросов, у нас человек ученый, дипломатию обязан понимать». Дословно текст не воспроизведу, но помню, что начал так: «Славяне!» Далее напомнил о Грюнвальде, об историческом совместном противостоянии поляков и белорусов немецким псам-рыцарям и в конце призвал прекратить ненужное кровопролитие перед лицом общего врага. Собираемся на переговоры⁹¹.

Вот тут Г. А. Мартиросову помогла мудрость и пригодились философское мышление и дипломатический такт:

Главой делегации назначен я. Встречают люди в польской военной форме. Обмениваемся воинскими приветствиями, и нам подают лошадей. Особенно свирепого жеребца подали мне — старшему по званию. Чувствую, тут сплеховать нельзя: тебя оценивают. Взятся за повод, решительно осадил жеребца и как можно ловчее вскочил в седло. Подъезжаем к дому. Садимся за стол, и я рассматриваю троицу напротив. Старой закваски холеное польское офицерство. Один из них был представителем лондонского командования АК. Первый вопрос прозвучал со стороны поляков: на каком языке условимся вести переговоры? Отвечаю, что мои познания в польском не вполне удовлетворительны, и если господ офицеров не устраивает русский, то предлагаю на выбор французский или немецкий. Те переглянулись. Конечно, форс я, что называется, держал, но, впрочем, и небезосновательно: предвоенная аспирантура в Институте философии Академии наук СССР давала не кандидатские «минимумы», а действительные знания языков. Командиры аковцев выбрали немецкий. Замечу сразу, что с этим языком у моих визави

⁹¹ Крапивин С. С. Рассказ мудрого армянина, который устроил перемирие комбатантов Армии Крайовой и советских партизан: интервью с Г. А. Мартиросовым // URL: <https://yandex.ru/turbo/news.tut.by/s/society/405296.html>

почему-то не заладилось. Начали они невзначай вставлять фразы на довольно приличном русском, потом окончательно перешли на великий и могучий, и далее обе стороны тактично не возвращались к лингвистическим аспектам процедуры переговоров. Начало беседы — два шквала взаимных обвинений. Остановились. Надо договариваться о конкретном. Уговорил их пропустить к железной дороге наши диверсионные группы. Переговоры подошли к концу. Встаем, и тут звучит предложение завершить встречу совместным обедом. Раскрываются двери в соседнюю комнату, а там уже накрыт стол. В предвоенные годы мне, академическому аспиранту, случалось бывать приглашенным на банкеты в лучшие московские рестораны, которые по разным поводам давали ученые мужи. Но сейчас, в разгар войны, когда за плечами остался плен и концлагерь, когда и на партизанских стоянках приходилось голодать, сервировочно-гастрономическое великолепие, явившееся вдруг на глухом хуторе, вызвало состояние короткого оцепенения. Первый тост произносит поляк: «За победу над Германией!» Выпили, начали закусывать. Подошло время для второго тоста — уже с нашей стороны. Поднимаю рюмку и вижу, что второй уполномоченный беззвучно подсказывает мне губами: «За Сталина». Думаю: «А если те откажутся пить? Уедем мы с конфузом». Провозглашаю: «За наших доблестных союзников!» Аковцы заулыбались, — завершил свой рассказ Гурген Мартиросов⁹².

В.И. Шафиркин

Белорусский писатель С. С. Крапивин, записавший интервью с партизаном, заметил: «...в 1944 году армянин-философ Мартиросов использовал диалектический метод и спас жизни людей с приеманских хуторов»⁹³. Задание Штаба партизанского движения было выполнено. После войны Г. А. Мартиросов остался в ставшей ему родной Белоруссии, защитил диссертацию и заведовал кафедрой философии в Гродненском университете.

В партизанах воевал и выпускник философского факультета МИФЛИ В. И. Шафиркин. Перед войной он работал в Институте философии АН СССР, занимался философскими вопросами космологии, написал книгу о Дж. Бруно и читал лекции в Московском планетарии. В 1942 г. он попал в окружение. Родным сообщили, что он пропал без вести. На самом деле он добрался до партизан. В одном отряде с ним оказался будущий писатель А. Я. Фесенко, который до войны слушал лекции В. И. Шафиркина в Планетарии. Он рассказал о том, как воевал и как погиб В. И. Шафиркин:

Весной 1942 года попал к партизанам и В. И. Шафиркин. Тот самый человек, который рассказывал нам о строении Вселенной. Я был несказанно рад увидеть в партизанском лесу родного человека. Такой же малоразговорчивый, но неизменно вежливый и предупредительный. Партизаны окрестили Венециана Исааковича «Витамином-Звездочетом». По вечерам Шафиркин рассказывал партизанам о звездном небе и о жизни великих людей. Его героем был Джордано Бруно. Помню,

⁹² Крапивин С. С. Рассказ мудрого армянина...

⁹³ Там же.

как-то, расположившись у костра, бойцы внимательно слушали рассказ о Бруно. Партизаны слушали в полном молчании эту историю, глядя на костер. Когда Шафиркин закончил свой рассказ, все продолжали молчать. Только ветки трещали в огне. А однажды Венециан Исаакович поразил всех партизан. Командование дало нам приказ захватить деревню Болоновец. Нападение назначили на полночь. И вот мы подобрались к самой деревне. Ждем сигнала. Мы знаем, что сигнал будет ровно в полночь. Наши разведчики были уже в деревне, но до полуночи оставалось еще часа два. Ребята завернулись в плащ-палатки, в пиджаки и, укрывшись таким образом от комаров, дремали. Спал и Венециан Исаакович. Кто-то решил над ним подшутить. Разбудили и говорят:

— Эй, Витамин, подъем, сейчас наступаем, уже были ракеты.

Венециан Исаакович взглянул на звездное небо и спокойно ответил:

— Ничего подобного, сейчас только без четверти одиннадцать, а нападение назначено на двенадцать.

Ребята сверились по часам: точно. Вот так звездочет! Ребята прониклись к нему еще большим уважением.

Через несколько дней меня с заданием отправили на большую землю. Я попрощался с Венецианом Исааковичем. Он подарил мне на память свою книжечку о Джордано Бруно, которую он всегда носил с собой. Только спустя 24 года я узнал о судьбе этого удивительного человека. Венециан Шафиркин во время стычки попал в руки к фашистам. Его заставили вести в лес карательный отряд и указать минные поля. Венециан Исаакович отказался. Гитлеровцы набросили на шею ему длинный кусок телефонного кабеля и погнали перед собой. На одной из лесных дорог Шафиркин подорвался на mine, а фашисты бросились назад. Позднее, найдя тело Венециана Исааковича, партизаны с болью в сердце похоронили его в дремучем Мутищенском лесу⁹⁴.

Нам удалось разыскать сына В. И. Шафиркина. А. В. Шафиркин продолжил дело отца. Он доктор наук, специалист в области космической биологии.

* * *

Окружение, плен — сюжеты не для советской пропаганды. Сталинско-брежневская советская идеология лицемерно и бессовестно вычеркивала из памяти народной имена пропавших без вести и попавших в плен. Сидевшие в московских кабинетах или, на худой конец, в теплых блиндажах сваливали свои ошибки на тех, кто за них расплачивался трагедией собственной жизни.

Память о войне в советский период была глянцево-избирательной. Нужно отделять плакатных героев, кричавших «За Сталина!», от подлинных. Чтобы сознание не застилала мифология о «великом военном гении», распространители которой не переводятся сегодня. У фронтовиков же иммунитет от мифологии сформировала сама война: «Про Главнокомандующего в Москве мы, фронтовики, ничего тогда не говорили, больше помалкивали — в отличие от нынешних времен»⁹⁵.

⁹⁴ Фесенко А. Я. Здесь падали с неба не яркие звезды // URL: <http://www.proza.ru/2014/12/29/536>

⁹⁵ Плимак Е. Г. На войне и после войны. С. 38.

Говоря о своих сокурсниках-философах, В. В. Соколов писал:

Немало было погибших. Едва ли не печальнее стала участь тех, кто оказался в плену и вернулся после нее на учебу. Окончить факультет им, как А. Г. Арзаканяну и С. Ф. Анисимову (он, раненый, попал в плен уже под Сталинградом), позволили, — но несколько лет, имея дипломы, они не могли устроиться ни на какую работу. Оказался в плену и С. Р. Микулинский. Как-то ему удалось скрыть свою партийность и — еврею — представиться то ли русским, то ли украинцем. Попав после войны в фильтрационный лагерь, он был отпущен из него по ходатайству ряда бывших студентов МИФЛИ, справедливо напомнившим партийным органам о его активной роли как вузовского секретаря комитета комсомола в МИФЛИ. Вернувшись в университет, Семен теперь стал именоваться не Рувимовичем, а Романовичем, — и заниматься философией биологии⁹⁶.

Названы здесь только три фамилии студентов философского факультета МИФЛИ, прошедших плен — тех, кто вернулся в профессию. Вообще же, среди студентов и аспирантов философского факультета МИФЛИ предвоенных лет попавших в плен было свыше двух десятков. Они были освобождены из плена, но судьбы их были навсегда сломаны. Через страдания плена прошли сотрудники Института философии В. Н. Молодший, М. М. Шейнман. Некоторые из фашистского лагеря попадали в советский, как аспирант Института философии М. Н. Фундер. Приведу мнение А. А. Зиновьева:

Когда все это началось — отступление, паника и прочее — я сразу себе сказал, что сдаваться в плен ни при каких обстоятельствах не буду. Я по характеру не выношу, когда меня кто-то оскорбляет, обижает. Обязательно бы вспылел, и меня сразу бы прикончили. Но я видел, что сопротивляться могли только отдельные подразделения, и они это делали. Один же не будешь сражаться... Я не одобряю сдачи в плен. Нельзя представлять все так, что все сдавались. Бои шли, и немцам причинялся очень серьезный ущерб. Несмотря на большие потери, было сделано великое дело: был сорван блицкриг⁹⁷.

В некоторых ситуациях смерть становилась предпочтительней. Конечно, смотря для кого. Генерал Власов завел подчиненную ему 2-ю ударную армию в ловушку Мясного Бора и нашел для себя выход в переходе на службу к фашистам. В узком, постоянно простреливавшемся немцами коридоре в болотистых новгородских лесах его подчиненные пытались выйти к своим. Но шансов выйти почти не было. В одном месте поисковики подняли останки 36 комиссаров. Рядом не было ни одной немецкой гильзы, только советские. И некому было вести учет погибших. Среди «пропавших без вести» в Мясном Бору был сотрудник Института философии, редактор военной газеты Б. П. Бархаш. В книге о трагедии Мясного

⁹⁶ Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016. С. 16–17.

⁹⁷ Зиновьев А. А. Интервью...

Бора, написанной на основе воспоминаний оставшихся в живых очевидцев, рассказывает:

Всюду валили лес, гнали к Мясному Бору лежневку. Нет более тягомотного дела, чем пытаться проложить по болотам дорогу. Бархаш искал героя своего очерка, но не нашел: тот ушел уже с батареей к Долине Смерти.

— Так бойцы участок коридора прозвали, — пояснил батальонный комиссар Ляпунов. — Тот, где последний переход в шесть километров. Самое узкое место. Противник покоя здесь никому не дает. Гибнут там люди изо дня в день. Одним словом, Долина Смерти.

Бойцы по колено в воде таскали мокрые, скользкие бревна, часто спотыкались, падали, матерились на чем свет стоит, вновь поднимались. От постоянного недооказания силы у людей были на исходе, дрожали от слабости руки, гулко колотилось сердце, пот заливал глаза, и тоскливо сводило желудок.

— Хочу побывать в Долине Смерти, — сказал вдруг Борис Бархаш.

— Это можно, только зачем? Для газеты то, что вы там увидите, не пойдет. Кладбище техники по обочинам, весь лес срезан, торчат расщепленные пни в полтора-два метра. И трупы повсюду. Тучи воронья над ними. Об этом в «Отваге» ни слова не дадите. Так зачем вам погибать? Успеете еще. Пишите о героях, их и здесь достаточно.

Закуковала кукушка. Стали прислушиваться, считать, сколько лет жизни отметил им птаха. Считал и Бархаш. Но он не знал, в каком масштабе считает кукушка: недели, месяцы или годы означает каждое ку-ку. Откуда ему знать, что в каждом ее вскрике только один день из тех, что отпущены ему судьбой? Что скоро он примет смерть, о которой никто и никогда не расскажет людям, а вдове его придет казенная бумажка со страшными словами: «Пропал без вести». Они означают, что военный корреспондент Бархаш отныне стал лицом без права на память, лицом вне закона, а значит, и вдова, и сиротка-дочь не имеют права ждать никакой помощи от государства. И таких пропавших, которые наверняка бы предпочли считаться убитыми, оказалось при не очень дотошных подсчетах многие сотни тысяч⁹⁸.

В Институте философии РАН установлена новая мемориальная доска. На ней — в два раза больше фамилий, чем было на доске советских времен. В жизни и в смерти вновь занесенных на доску сотрудников было что-то, что не укладывалось в официальную версию войны, созданную по воле Сталина советской пропагандой и поддерживаемую вплоть до перестройки. Н. Н. Бобровников и В. И. Шафиркин погибли в плену. К. И. Амелин был исключен из партии и пропал без вести на войне. В. И. Пиков принципиально не вступал ни в комсомол, ни в партию и пропал без вести. Б. П. Бархаш и И. Н. Чудаков пропали без вести. В. П. Детков был простым шофером, о котором посчитали возможным забыть.

Восстановление правдивой картины войны необходимо и мертвым, и живущим. В том числе для того, чтобы обрести духовный иммунитет против преднамеренных искажений и фальсификаций истории войны и Победы, вал которых нарастает в последнее время с каждым годом.

⁹⁸ Гагарин С. С. Мясной Бор. М.: Воениздат, 1991. С. 13.

Понятие «военного поколения» может быть понято шире: оно включает не только прошедших фронт воинов-философов, но и философов в возрасте, работавших на Победу в тылу, и «детей войны», ставших впоследствии философами, для которых память о военных годах осталась мировоззренческой доминантой.

Большинство философов не только старшего, но и среднего поколения уехали в эвакуацию. Их не призывали в армию. Но они выполняли важную работу по идеологическому обеспечению Победы. Страницы номеров журнала «Под знаменем марксизма» военных лет хорошо раскрывают эту работу. Ими были проанализированы философские истоки нацистской идеологии, показана ее несовместимость с лучшими традициями немецкой культуры, раскрыто патриотическое значение многих произведений русской философской классики.

В эвакуации философы, как и все эвакуированные, жили в трудных материальных условиях, испытывали недоедание и холод. Приказ о снабжении их по московским нормам не выполнялся. По карточкам не выдавалось ничего, кроме хлеба, а в распределителе почти не бывало никаких продуктов. Большинство эвакуированных были пожилыми и больными людьми. Мало кто из них был в состоянии заниматься на постоянной основе преподавательской деятельностью. На свою зарплату они не имели возможности кормить семьи с рынка. Зарплата поступала с задержками. По приезду в Алма-Ату они были прикреплены к правительственной столовой и буфету, но затем их лишили столовского пайка. Сотрудники не имели ничего, кроме карточек на хлеб. Кормили из милости в столовой летной школы. Бывший директор Института философии, а тогда ст. н. с., академик В. В. Адоратский, по воспоминаниям его дочери⁹⁹, жил в неотапливавшемся доме, в котором из-за холода мог находиться только на кухне, и кухонный стол служил ему одновременно рабочим местом. Из-за ревматизма часто находился в больнице. Вследствие болезни глаз не мог работать при искусственном освещении, в результате чего его рабочий день в ноябре — марте не мог превышать четырех-пяти часов. Но тем не менее В. В. Адоратский писал главу для очередного тома «Истории философии».

Московские сотрудники Института философии и философского факультета МГУ испытывали те же трудности. Во время бомбежек Москвы в здание института попала бомба, произошел пожар. В течение 1942 г. институт трижды переезжал. Сотрудники института, люди пожилые и не отличавшиеся здоровьем, участвовали в работах по разгрузке дров.

О быте военных лет мы можем получить представление по детским воспоминаниям будущих известных философов, «детей войны». Академик И. Т. Фролов рассказывал, как:

...пережил бомбежки Москвы, прятался во время «воздушной тревоги» с матерью и сестрами на станции метро «Динамо». Возвращаясь, они видели, как наши зенитки стреляли по немецким самолетам, как сыпались осколки. Отец-рабочий

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 559.

остался в Москве, мать с детьми перебралась в село, где прожить было легче. Но это означало каждодневный труд, который на свои плечи пришлось принять подростку. Поселились в одном из заброшенных домов. Из-за сильного истощения у мальчика началась цинга. Ване приходилось каждый день ходить (а зимой — ездить на лыжах) в школу за восемь километров. Двенадцатилетний Иван вскопал для семьи 30 соток земли и засеял их с матерью. Потом за пять километров ходил в лес за деревьями, чтоб огородить участок. Отец снабдил его инструментами, и к Ивану со всей деревни приходили подшивать валенки дратвой, чинить калоши. Зимой Иван чинил обувь всему селу. Односельчане благодарили его картошкой, пшеном или еще чем-то. В селе стояла заготовительная воинская часть, в которой служили солдаты-инвалиды. Иван нанялся туда охранять стадо овец, коз. Когда как-то раз на стадо напала стая волков, Иван стрелял из винтовки и отогнал волков. Когда солдаты закончили свою работу и стали забивать стадо на питание для армии, Иван помогал солдатам. Научился освежевать и разделывать тушу. Солдаты дали ему за помощь мяса, и мать засолила две огромные кадушки¹⁰⁰.

Родители С. Т. Мелюхина и Н. Т. Абрамовой работали на Московском вагоноремонтном заводе. Семья жила в комнате в бараке, в котором проживало еще 30 семей рабочих завода. Н. Т. Абрамова вспоминает:

В районе Москвы, где мы жили, были расположены два крупных завода. Немецкие самолеты часто кружили в небе. Помню ночные воздушные бои где-то рядом, обстрел из пушек, охранявших заводы. Однажды фугасная бомба попала на территорию вагоноремонтного завода. Наш барак, где мы жили большой семьей, примыкал к деревянному забору этого завода. При тревоге, объявляемой по радио, мы прятались в небольшом погребе под окном. Погреб вырыли еще до войны, для хранения овощей. Но теперь его родители стали использовать как бомбоубежище. Помещение было столь мало, что размещались лишь сидя, и то два-три человека. Взрослые по очереди дежурили на крыше барака на случай зажигательных бомб. В качестве бомбоубежищ использовались и станции метро. Помню, как меня с соседкой стали отправлять ночевать на ближайшую станцию метро. Спасали ребенка, а старшие братья, сестры и родители оставались дома. На площади около метро к ночи скапливалось много людей, которые стояли кругами в очереди. Пропускали в метро только с детьми. Нужно было спуститься на рельсы и пройти вглубь тоннеля. Люди спали на путях вповалку до раннего утра. Где-то в 4 часа утра раздавалась команда «на выход» — ко времени, пока не начинали ходить поезда. Еще совсем затемно мы шли с соседкой домой. И это был не один километр. Я вспоминаю себя в начале войны с отцом на конюшне, где он работал конюхом. Папа сидит около печурки в крохотной комнатухе и варит в малюсенькой кастрюльке рисовую кашу на воде. Думаю теперь, что только для меня. Я смотрю на кастрюлю, и все спрашиваю: ну, когда? Когда сварится? На поверхности кастрюли появляется как бы белое молочко, а папа спокойно так отвечает: скоро, скоро. До сих пор чувствую запах этой каши. Среди военных запахов, правда, более поздних, помнится также запах отварной соленой трески, которой «отоварили» продуктовые карточки: крепко соленую рыбу долго вымачивали; потом отваривали и ели. Кожица трески была липкая, вкус ее, все также еще соленой, помню до сих пор¹⁰¹.

¹⁰⁰ Корсаков С. Н. Иван Тимофеевич Фролов, 1929–1999. М.: Наука, 2006. С. 14–15.

¹⁰¹ Философия войны и мира. С. 286–287.

Несмотря на повседневные трудности, философы продолжали работать. Самое показательное тому свидетельство — третий том «Истории философии» — знаменитой «серой лошади», написанный во время войны. Работа над томом шла параллельно в Московском и Алма-Атинском отделениях Института философии, Московском и Свердловском филиалах философского факультета МГУ. Параллельно же создавались варианты учебника по логике В. Ф. Асмуса и Э. Я. Кольмана. Возобновились защиты диссертаций. В 1942 г. О. Лукач защитил свою известную диссертацию о молодом Гегеле, а Б. С. Чернышев о софистах. М. Э. Омеляновский вынес рукопись своей диссертации в вещмешке из горящего Воронежа и защитил ее в Москве в Институте философии.

Возобновились и занятия со студентами — как в Москве, так и в эвакуации. Н. Ф. Овчинников, работавший школьным учителем и не взятый на фронт из-за болезни суставов, пережитой в юности, вспоминал, как он поступил на первый курс эвакуированного в Свердловск философского факультета МГУ:

На первом курсе было всего пять человек — три студентки и два инвалида войны, только что вернувшиеся с фронта. Я стал посещать лекции по истории античной философии, которые тогда читал М. А. Дынный. Как я понял тогда — он был в Свердловске единственным специалистом по истории философии и читал лекции на всех курсах философского факультета. Лекции на первом курсе обычно читались поздно вечером, и потому мне не приходилось получать разрешение на их посещение на моей работе. В памяти, как сказал бы современный эстет, сюрреалистическая картина: в промерзшей аудитории сидит в зимнем пальто и в шапке, а порою и укутанный в шаль, профессор, а перед ним четыре, пять или редко шесть продрогших и голодных студентов слушают неторопливый и приглушенный голос лектора (не простудить бы голос) — рассказ о милетской школе, о Пармениде, Демокрите, Платоне¹⁰².

* * *

Философы и на войне оставались философами. В сентябре 1941 г. З. А. Каменский в передышке между боями написал жене письмо с просьбой прислать ему недавно вышедшую в русском переводе «Эстетику» Гегеля. Он получил эту книгу с «продовольственно-вещевой посылкой» и не только носил в своем вещмешке во время боевых действий вместе с томиком стихов Пастернака, но не потерял ее, не бросил и сумел привезти домой в Москву, когда был демобилизован по ранению: «Хороша была эта картина, — вспоминал он, — советский солдат бежит в атаку на немцев, а в его мешке лежит том сочинений великого немца!»¹⁰³

А. В. Гулыга в апреле 1945 г. вошел с нашими войсками в Кенигсберг:

Недоучившийся студент-философ, я знал, что здесь похоронен Кант. И я отыскал его могилу. Сред обломков зданий, у стены полуразрушенного собора, стояло строгое надгробие с надписью «Immanuel Kant». Рядом чья-то рука вывела мелом

¹⁰² Овчинников Н. Ф. Вспоминая прошедшее. С. 107–108.

¹⁰³ Долг и память военного поколения. С. 94.

по-русски: «Теперь-то ты видишь, старик, что мир материален». Мне, как и автору озорной эпитафии, было тогда невдомек, что Кант, собственно, и не отрицал материальности мира. В ту пору это было простительно¹⁰⁴.

Наступила победная весна 1945 г. Жизнь вступила в свои права, оттеснив смерть. Люди, прошедшие четыре года на фронте, испытывали это звенящее чувство жизни, как никто. В последние дни войны, когда выдался денек затишья, Э. В. Ильенков писал возлюбленной:

Наступила здесь, в далекой-далекой от тебя земле, чудесная весенняя погодка. В лесу, где я два дня уже живу, дожидаясь назначения, так хорошо, что не хочется верить, что совсем рядом идет большущая битва, штурм большого города. Солнце нагрело стволы деревьев, мох, толстый слой прошлогодней сухой листвы, и в лесу очень тепло. Я вчера пролежал часов пять, раскинув руки и глядя в небо. Оно такое голубое... И кажется, видишь в нем все, о чем мечтаешь. Солнце припекает ласково, и, кажется, что кто-то любящий склонился над тобой и убаюкивает, навевая красивые мечты и сны. Временами в тихий шепот леса врываются шквалы артиллерийского огня, случайный снаряд прошуршит над деревьями и рванет где-то, и опять все тихо. А сейчас, когда я сидел на пеньке, пролетела самая настоящая бабочка. Трудно поверить, какое это доставляет все наслаждение после зимы на переднем крае! Теперь только даешь себе отчет в том, что все-таки пришлось пережить. Когда жил так — ничего не замечал просто¹⁰⁵.

В день объявления о немецкой капитуляции, вспоминает Д. И. Дубровский, «началась беспорядочная пальба в воздух. Солдаты кричали “ура!”, обнимались. Помню, мимо нас проехало множество грузовиков, набитых военным людом. Они кричали нам: “Победа! Победа!” — и тоже палили вверх из автоматов»¹⁰⁶.

А. Д. Косичев день Победы встретил в Германии, недалеко от Берлина. Он рассказывал, что в дом, где он заночевал, ворвались возбужденные советские солдаты и стали стрелять в воздух от радости. Так они выражали свои чувства и хотели сообщить всем боевым товарищам об окончании войны.

Когда военные испытания закончились, выживших воинов охватил целый «букет» чувств. Е. Г. Плимак писал об этом:

Позади была война, впереди — вся жизнь, которую ты в свои двадцать лет узнал уже со страшной ее стороны и почти совсем еще не знал с других ее сторон. Жизнь манила неизвестностью — неизвестностью, из которой ушла постоянно присутствовавшая в ней смерть, ушла так далеко, что, казалось, ее вообще не было в жизни и не будет. В тот час на этой залитой июньским солнцем мирной дороге в душе было только одно ощущение — ощущение полной безмятежности и пьянящего безмерного счастья¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Долг и память военного поколения. С. 62–63.

¹⁰⁵ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. С. 225.

¹⁰⁶ Дубровский Д. И. Воспоминания. С. 111.

¹⁰⁷ Плимак Е. Г. На войне и после войны. С. 41.

Философы, как мы сказали, и на войне оставались философами, а тем более после войны. В июньские дни 1945 г. Э. В. Ильенков еще продолжал нести службу в Германии, но голова была занята совсем другими мыслями: философия — главное дело жизни — вновь завладела душой вчерашних студентов и призывно звала к себе. В одном из последних писем любимой девушке из поверженной Германии Э. В. Ильенков написал:

Прости, что не писал тебе, я так был занят, увлечен одним делом, увлечен и сейчас, что забыл из-за него все на свете, даже тебя! Не удивляйся, и не обижайся только! Что такое — я в письме боюсь об этом говорить. Меня увлекла одна очень интересная мысль, такая интересная, что я занят ей все 24 часа в сутки. И в каждой мелочи, всякой, казалось бы, безразличной вещи я вижу только ее, эту мысль, ее проявление. В связи с ней перечитываю и Маркса, и Толстого, и она становится все интересней и отчетливей. Это со мной впервые такое состояние за всю войну. Правда, это очень мешает работе, даже с генералом я разговаривал очень рассеянно, и не так, как любят генералы. Вышла неприятность, и я во всем, кажется, соединении приобрел скандальную известность, чего мне не хотелось. Переспорить-то я его переспорил, но... Да! Только не подумай ради бога, что увлекся я чем-нибудь вроде Frau какой-нибудь... Совсем, совсем не тем...¹⁰⁸

Военные пути-дороги приводили победителей в философию. Е. Г. Плимак после Победы служил в Германии:

В Москву я поехал в июле 1948 года поступать на философский факультет МГУ, и тут я должен снова выйти к своей философии войны и жизни. Мой друг Колька, даже уйдя из жизни, мне свой завет оставил — и довольно странный. Почему-то вечно он таскал с собой «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Ей-богу не знаю, зачем и почему. Но я, как-то раз открыв книгу, на русском языке написанную, ничего, абсолютно ничегошеньки в ней не понял. А поскольку жажда любви у человека сочетается со столь же неумной жаждой познания, эта моя неудача с книгой засела во мне и продиктовала мне нацелиться именно на философский факультет МГУ, а не куда-нибудь еще¹⁰⁹.

* * *

Поколение фронтовиков, вступившее в послевоенную философскую жизнь страны, во многом изменило ее. Э. Ю. Соловьев считает, что:

...исток «шестидесятничества» как особого идейного поколения следует искать в составе студенчества, отличавшем пятидесятые годы. Исключительно интересным в этом отношении как раз и был философский факультет МГУ. Можно сказать, что на нем обучалось в ту пору парадоксальное «гибридное» поколение. За студенческой скамьей сошлись «отцы» и «дети», которые по возрасту различались всего лишь как старшие и младшие братья. «Братьями-отцами» были те, кто прошел опыт войны, многое повидал и уже имел повод усомниться в достоинстве

¹⁰⁸ Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. С. 232–233.

¹⁰⁹ Плимак Е. Г. На войне и после войны. С. 72–73.

советской большевистской системы. В. К. Кантором формулируется следующий любопытный тезис: XX съезд партии по сути своей был съездом вернувшихся с войны лейтенантов. Было бы наивно думать, что таковыми оказывались все офицеры, пришедшие на факультет с фронта. Однако в ряду последних встречались люди, удивительные по выстраданной духовной независимости¹¹⁰.

Студенты-фронтовики ходили кто в штатском, а кто в форме: гимнастерка, галифе, сапоги. Философы-фронтовики стремились наверстать пропущенные годы и потому были целеустремленнее в учебе, чем те, кто пришел на философский факультет со школьной скамьи. Притом что учеба, конечно, давалась им труднее. Отличались они тем, что *никогда не рассказывали* о своих военных годах. И не зря, ибо война есть тяжелый труд и отвратительна в своей повседневности. Выделяли студентов-фронтовиков внутреннее чувство достоинства, уважительность. Непорядочность и трусость им не были свойственны. Внутренняя свобода давала им решимость говорить то, что они думают. Они замечали многое, жизненное, что человек, не имевший такого жизненного опыта, мог проглядеть. Когда одна из сокурсниц застенялась ходить беременной, студент-фронтовик обратил на это внимание и сказал ей: «Чего ты сторбилась? Ходи и гордись!» Они были авторитетами. Многие из них избирались в партийные и комсомольские структуры факультета, но не использовали эти рычаги для того, чтобы навредить, погубить человека.

Поколение философов-фронтовиков знало, как никто, цену жизни и смерти. Поэтому главное влияние его в том, что оно несло и продолжает нести с собой мощный заряд мудрости и человечности.

Литература

- Археографический ежегодник за 2005 г. М.: Наука, 2007.
- Бережной А. Ф. Они сражались за Родину. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. Вып. 2.
- Великая Отечественная в письмах. М.: Политиздат, 1982.
- Гагарин С. С. Мясной Бор. М.: Воениздат, 1991.
- Гецевич А. Люди удивительной судьбы: из воспоминаний Г. А. Мартиросова // Гродзенскі ўніверсітэт. 2019. 31 мая.
- Давыдов И. Ю. Юность уходит в бой. М.: Воениздат, 1973.
- Долг и память военного поколения. М.: Институт философии РАН, 1998.
- Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. М.: Институт философии РАН, 1997.
- Дубровский Д. И. Воспоминания. М.: Канон+, 2009.
- Зиновьев А. А. Интервью // URL: <https://www.mosgu.ru/nauchnaya/interviews/Zinoviev/>
- Как это было. М.: РОССПЭН, 2010.

¹¹⁰ Наш философский дом. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 455–456.

- Книга памяти Ленинградского — Санкт-Петербургского университета: 1941–1945. Вып. 1–2. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995–2000.
- Коган Л. А. Вспоминая Великую Отечественную... // Вопросы философии. 1998. № 4. С. 64–74.
- Коган Л. А. Из биографии дома-на-Волхонке // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 27–30.
- Козлов Н. А. В огне сражений. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1968.
- Корсаков С. Н. Боевые подвиги и боевые награды сотрудников Института философии РАН на фронтах Великой Отечественной войны // Философические письма. 2020. № 2. С. 126–146.
- Корсаков С. Н. Иван Тимофеевич Фролов, 1929–1999. М.: Наука, 2006.
- Корсаков С. Н. Институт философии в годы Великой Отечественной войны // Философский журнал. 2011. № 1. С. 134–147.
- Корсаков С. Н. Институт философии и Великая Отечественная война // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 179–192.
- Корсаков С. Н. Институт философии АН СССР: вклад в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Философия войны и мира. М.: СиДиПрессАрт, 2016. С. 10–29.
- Крапивин С. С. Рассказ мудрого армянина, который устроил перемирие комбатантов Армии Крайовой и советских партизан: интервью с Г. А. Мартиросовым // URL: <https://yandex.ru/turbo/news.tut.by/s/society/405296.html>
- Миролюбов А. С. 30 месяцев за линией фронта. Л.: Лениздат, 1971.
- Навеки в памяти. М.: Наука, 2010.
- Наш философский дом. М.: Прогресс-Традиция, 2009.
- Новиков Н. В. Воспоминания дипломата. М.: Политиздат, 1989.
- Овчинников Н. Ф. Вспоминая прошедшее // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 105–126.
- Ойзерман Т. И. Марксизм не родился как Венера из головы Юпитера // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2004. № 6. С. 40–61.
- От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966.
- Плимак Е. Г. На войне и после войны. М.: Весь Мир, 2005.
- Разумный В. А. Моя война. М.: Изд-во Московского психолого-социологического института, 2006.
- Самойлов Л., Скорбин Б. Русская женщина // Красная звезда. 1962. 31 марта.
- Семиколенных Н. В. Бессмертный подвиг коммунистки Гордиевич // Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1980. С. 50–51.
- Серцова А. П., Карпов Г. Д. Декан — комиссар // Вестник МГУ. Сер. Философия. 1987. № 5. С. 70–75.
- Слово солдата Победы. М.: Патриот, 2018. С. 267–276.
- Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М.: РОССПЭН, 1997.
- Соколов В. В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. М.: Издатель Воробьев А. В., 2016.

- Фесенко А. Я. Здесь падали с неба не яркие звезды // URL: <http://www.proza.ru/2014/12/29/536>
- Философия войны и мира. М.: СиДиПрессАрт, 2016.
- Философия как призвание и профессия (интервью с проф. В. Ж. Келле) // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. IV. Вып. 1–2. С. 352–379.
- Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: очерки истории. М.: Современные тетради, 2002.
- Философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова: страницы истории. М.: Изд-во МГУ, 2011.
- Философы-победители. Сборник посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов / Сост. Н. М. Северикова. М.: Издатель Воробьев А. В., 2015.
- Харитоновна Е. В. Мобилизация морального духа и психологического состояния в годы Великой Отечественной войны // Психологический журнал. 2020. № 3. С. 5–17.
- Хасхачих Ф. И. Вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Высшая школа, 1967.